

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
МИХАИЛА ЮРЬЕВИЧА ЛЕРМОНТОВА
(1814 — 1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов

СМЕРТЬ ПОЭТА

*Отмиценья, государь, отмиценья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд
потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример*.*

Погиб поэт! — невольник чести, —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? Веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

* Эпиграф к «Смерти поэта» взят из трагедии французского драматурга Ж. Ротру «Венцеслав» (1648) в неопубликованном русском переводе А. А. Жандра (1789—1873).

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

И что за диво?.. Издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока.
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы,
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И, прежний сняв венки, — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него,
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело.
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..

Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью —
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
 В бездействии состарится оно.
 Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
 Как пир на празднике чужом.

 К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властью — презренные рабы.
 Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
 Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
 Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
 Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
 Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
 Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
 Над промотавшимся отцом.

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
 Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал,—
 Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
 Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
 И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
 Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
 Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
 На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
 В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
 Лишен героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
 Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На золото променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговеньи?

Бывало, мерный звук твоих могучих слав
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой;
И отзыв мыслей благородных
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык; —
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как заметишь с холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка...

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit.1

(Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.)

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато, какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточенье,
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединеньи
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали с тайною мольбою
К N. N., неведомой красе,—
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста;
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То верно над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться,
Но верьте мне, душевно рад

Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — все так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И все зачем? чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Все это так, — да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,

И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко, без сознанья,
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно черных
И ложно радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?
К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной

Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

РИСУНКИ И КАРТИНЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Лермонтов был не только поэтом и прозаиком, но и талантливым художником. Предлагаем вашему вниманию работы Лермонтова.

Тройка, выезжающая из деревни. Карандаш. 1832—1834 г.

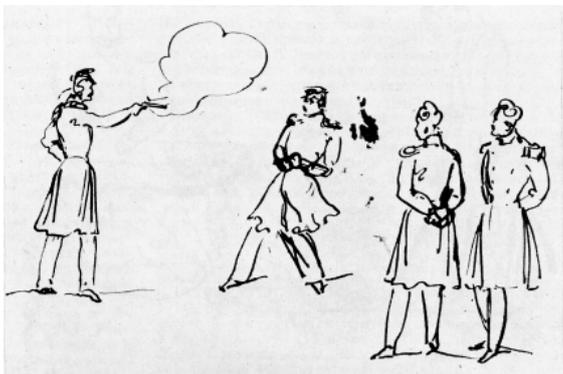
Эмилия, героиня драмы «Испанцы» (В. А. Лопухина?). Акварель 1830—31 г.

Юнкер Л. Н. Хомутов. Карандаш. 1832—34 г.

Скачущий всадник и наброски мужских голов. Перо, чернила. 1832—34 г.

Дуэль. Перо, чернила. 1832—34 г.

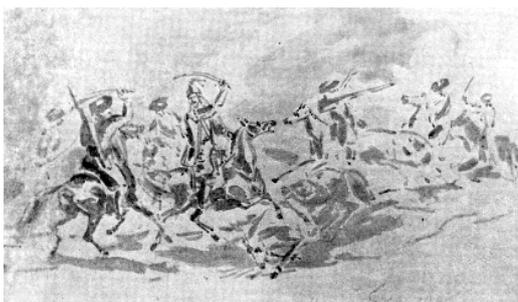
Портрет офицера в шинели. Карандаш. 1832—34 г.

Военно-Грузинская дорога близ Мцхета. Масло. 1837 г.

Светская сцена. Перо, чернила. 1840—41 г.

Кавалерийская схватка. Сепия. 1830—32 г.

Офицер верхом и амазонка Карандаш. 1840—41 г.

Перестрелка в горах Дагестана. Масло. 1840—41 г.

Черкес. Масло. 1838 г.

УЗНОУЗУ

Ирина Николаева
(г. Москва)

СМЕРТЬ И ЛЕРМОНТОВ*

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Смерть находилась рядом с поэтом с его малых лет, выполняя первое задание Вечных.

Благополучно увела в мир душ его мать, экзальтированную молодую женщину двадцати с лишним лет. Можно сказать, спасла бедняжку от изменника-мужа, при случае распуская руки, однажды с силой ударившего жену кулаком по лицу. Этот удар и помог Смерти быстро забрать болезную в мир душ. Та не сопротивлялась, разом сдавшись на уговоры взвешенной попутчицы.

Мечтательный Миша остался без матери. Отец же, еще не нагулявшийся среди прелестей жизни, не спешил взваливать на себя тоскливо-тяжелый труд воспитания сына. Будущий гений слова рос в доме сильной и требовательной бабушки, всю себя отдавшей любимому внуку и приложившей огромные усилия, чтобы тот с отцом не встречался.

Никто из окружения, даже бабушка, не мог понять мальчика. Одиноким, он переживал чувство ненужности. Душа его металась внутри тщедушного тела, искала вонне родственную душу.

Лет в десять бабушка привезла Мишу на Кавказ. Там-то Смерть и задумала душу его забрать. В образе милой девочки предстала перед ним и вызвала в ранимом сердце глубочайшее чувство, которое под силу лишь взрослому человеку. Однако душой его тогда не завладела, жалость пробила. «Пусть поживет еще»,— решила.

За это решение Смерти пришлось отвечать на Совете Вечных.

Помнит она тот Совет.

Раскинулось огромное пространство, напоминавшее земной пейзаж: бесконечная долина, окруженная массивными горами. Высоко-высоко голубело небо, по которому медленно плыли облака. Вдали блестело и переливалось море. Солнца не видно, но оно проявлялось бьющей отовсюду яркостью. Никого вокруг. Лишь она — небольшой точкой — держалась, слегка вибрируя, в воздухе.

Поскольку Вечные могли принимать разные обличья, на Совете они показывались в облике тех, о ком шла речь. Говорили о землянах и выглядели как люди.

Смерть из трепещущей точки обратилась в женщину, полагая, что ее судьи будут терпимее к женскому облику. Причем она отлично помнит свою неумелость превращения. Так увлеклась процессом, что не видела изменений, происходивших вокруг. Неожиданно для нее раздался оглушительный гром, по небу пронеслась молния, разрезающая небесное пространство ломаной линией.

— Ты ослушалась Вечных,— услышала Смерть мощный голос с небес.— Тебе поручено вернуть душу во Вселенскую гавань.

* Отрывок из романа «Берегиня — душа избранная». — М.: Авторская книга, 2013.

— Ты нарушила путь мироздания,— раздалось с вершины самой высокой горы.— Этот шотландский отпрыск Лермонт способен изменить жизнь на Земле. Разве ты не ощутила его силу?

— Ты должна была завершить этот земной путь! — всколыхнулось море огромными волнами, бьющими в скалы.

Пространство вокруг энергично менялось. С неба спустился высокий крепкого телосложения викинг. Высокая гора, быстро уменьшаясь в размерах, приобрела образ светской властной дамы времен английской королевы Елизаветы. Одна из морских волн обернулась пехотным капитаном русской армии: красивый мужчина среднего роста, выразительного телосложения, похожий на изящного и чрезвычайно вспыльчивого Юрия Лермонтова, отца Михаила.

Дерево, стоявшее недалеко от поверженной малоопытной Посвященной, раскинуло и медленно подняло вверх густые ветви. Затем ветви стали также медленно опускаться, открывая образ Елизаветы Арсеньевой, бабушки Михаила. В это же время всколыхнулась земля, на месте колыхания появилась песочная башня, из которой решительным шагом вышла Мария Арсеньева-Лермонтова.

В тот же миг с неба скользнула яркая звезда, представшая в приземлении в облике известнейшего в России поэта Александра Пушкина, завершавшего земную службу.

Задул сильный ветер, переросший в ураган, образовалась воронка, в которой вырос огромных размеров мужчина, без каких-то особых отличий, но с решительным лицом и внушительными движениями. Постепенно великан уменьшился до человеческого роста и стал похож на первого русского императора Петра.

Набежала черная туча, плеснула ливнем. И из мощного ливня вышел император Николай Первый.

Вечные не просто приобретали образы землян. Ясно было, что мать и бабушка станут заступниками Смерти, не дерзнувшей прекратить земной путь еще не проявившего себя гения. Конечно, заступником стал и Пушкин, время от времени приговаривавший: «Ай, да Пушкин! Ай да сукин сын!» Этот Вечный не раз говорил: «Поэты рождаются только на Земле и нельзя оттуда прежде времени забирать того, в ком проявлены черты гениального поэтического взлета».

— Пусть он скажет свое слово! — резюмировал великий поэт, на века приобретший славу в человеческом мире.

Сомневался в принятии решения Юрий Лермонтов. Ему, с одной стороны, явно не хотелось усиления величия землянина, однако, с другой стороны, не зря Вечный облачил себя в образ отца поэта. Знал: на Земле нужны великие души, способные сохранить человечество.

— Этому жителю Земли уготован особый удел. Мы обязаны дать ему возможность сказать свету: «Погиб поэт, невольник чести... И на устах его печать».

— Да, Великий Совет,— поддержал эти слова Пушкин,— России нужны смелые и сильные люди. «России двинулись сыны... За Русь, за святость алтаря». Потомок Лермонта из таких будет!

— И я думаю, Великий Совет, что «для небесного могилы нет». Пусть отыграет свою лиру,— вступила в речь Мария Арсеньева-Лермонтова.

Ее сразу же поддержала Арсеньева-старшая:

— Великий Совет, мы сами послали эту душу на Землю. Нельзя забирать поэта прежде, чем выполнит он великую миссию.

Защитники Миши Лермонтова допускали доселе невиданное: они отошли от спокойного обсуждения, от медленных и весомых высказываний, в них горячилась кровь, перехлестывали эмоции.

Английская дама, император Николай и викинг молчали, и в этом молчании собиралась грозная сила. Посвященная, посланная в мир землян, не выполнила реше-

ние Вечных. Корнет гусарского полка задумал рассказать людям о Демоне, глубоко проник своей мыслью в Многовселенский мир и собирался преждевременно открыть этот мир людям. Он пристрастился к нумерологии, стараясь разгадать тайны Вечных, и активно в этом преуспевал. С этим не могли согласиться молчавшие Вечные.

В долго длившемся безмолвии каждый член Совета мучительно искал выход, который и душу поэта спасет, и незыблемость Вселенского мира сохранит. Море бурлило, ветер стонал, разметая редкие деревья, по небу неслись грозные тучи, с гор сыпались глыбы и мелкие камни, земля вспучивалась, образуя трещины и рвы. Смерть приникла к земле, стараясь укрыться от грозных глаз, проникавших в нее. Она была напугана и ждала, что ее скинут в адский круг.

Высказался царь Петр, и с ним члены Совета согласились.

— Михаил Лермонтов, пока идет Совет Вечных, выполнил земную миссию,— громогласно высказался Петр.— Ему пора уйти в мир душ. Иди, Посвященная, и выполни то, что ты обязана выполнить!

В несколько мгновений Смерть оказалась на Земле в небольшом городке Пятигорске, недавно основанном у горы Бештау. Название горы в переводе с одного из наречий кавказских народов означало «пять гор». Гора Машук оказалась в городской черте. В Пятигорске служил ее многострадальный и неудержимый клиент.

Первым делом Смерть занялась Николаем Мартыновым, красавцем, покорителем женских сердец, приятелем Лермонтова. Каких сил ей стоило убедить Мартынова, что ему чрезвычайно идет черкесский костюм, в котором он отличается от друзей-товарищей и создает ореол необычности. Люди высмеивали страсть Мартынова к национальным нарядам, однако Смерть его из странного для русского красавца костюма не выпускала. Она же настроила его на непримиримое решение — защитить свою честь от насмешек ядовитого на слово поручика Лермонтова.

Одновременно занялась и поручиком, нашептывая ему в уши без умолку язвительные колкости, остроты и насмешки, которые тот рассыпал вокруг себя, и более всего, конечно, доставалось Мартынову. Она изливалась черными искрами из глаз поэта, отчего его взгляд становился пронизательным и жестким. Она выскакивала с его губ кривой усмешкой и злым словом.

Смерть привела Лермонтова и Мартынова на гору Машук, где и состоялась дуэль. Лермонтов выстрелил вверх. Что ж? Гений не может убить человека. Мартынов же, обозленный и обиженный, забывший о приятельских прежних отношениях, выстрелил в поэта.

На всякий случай Смерть привела на ту гору еще одного ненавистника молодого поэта, упрятала того в кусты, внушив ему: обязательно, в случае нерешительности Мартынова, добить Лермонтова своим выстрелом. Кто из них кинул в грудь поэта смертельную пулю, она так и не знает.

Как только дело землянами было сделано, Смерть заспешила — вытянула из горемычного жизненную нить. При этом с грустью думала: «Ах, какой человек! Не понятый миром землян. Оттого и ссорился со всеми. Сам не понимал людей, хоть и знал о них то, что те про себя не ведали. И талантлив до гениальности! Правы Вечные: таким нельзя долго оставаться на Земле». Потому, наверное, Жизни рядом с Лермонтовым в тот момент не оказалось, и Смерть легко справилась с первым своим серьезным делом.

Впрочем, она еще многого не знала, только-только на Земле объявилась. Молоденькая, ничего не умевшая и мало что понимавшая в человеческой жизни.

Жизнь-то чуть постарше — лет на двести по земным меркам. Помнится, она все время с нитью серебряной носилась — вязала судьбу человеческую, иногда нитка путалась, бывало, что и рвалась. В такую минуту Смерть получала неожиданный подарок — душу. Однако иной раз, устыдившись, помогала Жизни нитку связать, не торопясь душу уносить из тела. За то и Жизнь ее уважала.

Лариса Яшина
(г. Пенза)

Лариса Ивановна Яшина — член Союза журналистов, член Союза писателей, академик Международной академии информатизации (2001 г.), лауреат Премии пензенского комсомола (1981 г.), лауреат премии Министерства культуры Пензенской области (2007 г.), дважды лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2005 и 2007 г.), лауреат премии им. Константина Симонова с вручением золотой медали (2011 г.) Награждена орденом «Во имя жизни на Земле» (2009 г.), медалью «В память 350-летия Пензы (2013 г.) и высшей региональной наградой — серебряной медалью «Во славу Земли пензенской» (2011 г.).

И ЛЮБОВЬЮ НАПОЛНИЛСЯ СВЕТ!

Не объехать за жизнь все края, города,
Но нельзя не узнать землю эту:
Здесь любая тропинка, травинка горда,
Здесь и юность, и Вечность поэта!

Не в музейные дни,
Когда долг — господин,
А любой — экскурсант, и не боле,
Вы придите к поэту один на один
И к щемящей прислушайтесь боли!

Суетливость и зависть приняв за недуг,
Понимая: в покое жить рано,
Не тропюю — дорогами люди идут
И в Михайловское и в Тарханы.

* * *

Винтовые крутые ступени...
Рано. Свечи еще не зажгли.
Над часовней рассветное пенье —
Просыпается голос Земли.

...Жить так мало,
Убийственно мало!
Но судьбой ли начертан конец?
Тонкой свечкой истаяла мама,
Стал отверженным бедный отец...

Ветры, годы, забвение — мимо!
Не уходит из жизни поэт.
Так он страстно мечтал
Быть любимым,
И любовью наполнился свет!

* * *

Какой-то безысходный дождь,
Осенний плач, пришедший в лето...
А ты Тарханами идешь,
Не забывавшими поэта.

В усадьбе тихо, ни души.
Дом барский, голосов лишенный,
Лишь кто-то в темном капюшоне
Из дома ключника спешит.

К пруду склонился старый вяз,
Хранят шаги аллеи эти,
И ты не знаешь: где сейчас,
В сегодня,
В прошлом ли столетье?

Чуть слышно звякнули ключи,
И занавеска колыхнулась,
Возможно, бабушка вернулась,
Поставив в церкви две свечи.

...Письмо б Мишелю написать.
Почто он ссорится со всеми?
Скорей настало бы опять
Свиданья радостное время!

Свинцово давят облака,
Деревья до земли пригнули.
Летит, летит через века
В сердца мартыновская пуля.

ВРУБЕЛЕВСКИЙ ЛЕРМОНТОВ

Сидит безмолвно маленький поручик,
На серый камень оперлась рука.
Ему Эпоха главное поручит:
Прожить года и пережить Века.

Задумался он, плечи чуть сутуля,
Так отрешенно глядя в облака,
О посланной рукой Дантеса пуле,
Но о своей не думает пока.

В России он.
И в нем живет Россия.
Народа стон,
Он и в его груди.
Сквозь серость туч
Он видит небо синим,
Но это все потом.
Все впереди.

От Бога дар пророческий получен,
Поэт он — такова его стезя...
Сидит безмолвно маленький поручик,
Горят и говорят его глаза.

* * *

Гроза в этот день
Не случайна,
Гроза —
Это неба слеза.
Приход Его — тайна,
Уход Его — тайна,
И непостижима стезя
Души,
Посвященной в такое!..
Другим не постичь,
Не понять.
Какое там
Чувство покоя? —
Там ноша —
Векам не поднять!

Лавина насмешек,
Гонений...
Что ж, он не такой,
Он — иной.
Чем ярче
И яростней Гений,
Короче
Его путь земной.
Сверкающим роем
Мгновений
Душа его здесь,
Надо мной!

* * *

За воротами резными —
Прошлый век,
Грядущий век.
Там — владельцы
Иже с ними,

Там живут
Душа и Имя,
И глазами здесь другими
На мир смотрит человек.

А попробуйте представить
(От того, Господь, спаси!):
Все забвенью предоставить,
И заботы все отставить.
Что Истории оставить?

Что же будет на Руси,
Если будут позабыты
Письмена и имена,
И героика, и битвы,
И великий, и убитый...
Перестанет БЫТЬ страна!

* * *

Поднимусь рано-рано...
Розовеет восход.
В тишине по Тарханам
Совершаю обход.

Воздух пряный и терпкий,
Пью его, не напьюсь!
И под куполом церкви
Постою, помолюсь.

Жаль, часовня закрыта,
В ней свечою — рассвет.
Там лежит и убитый,
И живущий поэт.

Длинной улицей сельской
Я пройду, не спеша,
Высоко светлой песней
Вьется чья-то душа.

За воротами усадьбы
Время движется вспять.
В век ушедший попасть бы
Да вернуться опять!

Песням ангелов внемлю
И любуюсь жнивьем...
Бог послал нас на Землю,
Что ж так плохо живем?!

Алексей Скарёдов
(г. Тула)

* * *

Скитаясь по горам, среди кустов и трав,
Я вышел к роднику, что бил из узкой щели.
Смеркалось, жирные цикады громко пели,
И в зеркале воды мой лик был дик и брав.

«Но, коль дорвался, то напиться не спеши»,—
Припомнил я урок отца и выпил скупю.
И ты, поэт, не почитай, что это глупо —
Подумай не спеша, потом уже пиши.

Ты выпей стих, чтоб только жажду утолить,
И продолжай свой путь средь трав, и скал, и кручей,
Шепни: «привет!» судьбе фривольной и зыбучей,
И флягу не забудь, наполнив, прихватить.

УАСТЫРДЖИ

Сарматскую степь да аланские горы
Обходит дозором седой Уастырджи,
И путник взывает к нему: «Расскажи,
Как мне обрести хоть частицу опоры.
Брожу я как тень — без друзей, без семьи,
Дорога меня все уводит от дома.
Одна лишь она мне мила и знакома,
Но лучше уж в логово черной змеи
Ногою попасть, чем на пыльную ленту,
Что нас заставляет забыть про аул,
Про дедову башню...» Тут ветер подул,
И путник поверил в седую легенду —
Пред ним конь трехногий и старый седок
С сияющим ликом Христова святого:
«Тебе помогу я советом!» — И снова
Исчез покровитель. Лишь хрупкий ледок
На луже хранил отпечаток копыта...
И с неба раздался таинственный глас:
«Ищи и обрящешь! Иди и верь в Нас —

По воле Небес ты оторван от быта
Своих праотцов. Ты избранник пути.
Пусть жжет спину солнце и воют бураны —
Мы вечно с тобой, Мы излечим все раны
И посох дадим. Только помни: иди».

АШУГ

— О, вай, Алла,— пропел мудрец
И пригубил вина,—
Жаль, что всем радостям конец
Приходит, старина.
Ты все строчишь стихи в блокнот?
Попробуй — не пиши.
Пропой-ка в голос десять нот,
Но так, чтоб от души.
Что? Не выходит? Так-то, брат,
А я всю жизнь пою.
Пусть ерунду. Пусть невпопад.
Но песенку мою
Никто так больше не споеет —
Один лишь я могу;
И встанут эти десять нот
Недешево врагу.
Что ж, радостям придет конец —
Прах, пепел и зола.
Но я певец, а не мудрец:
О, вай, Алла, Алла...

КАЗБЕК

Звук далеких валторн приглушен белоснежной сурдиной:
То ли лес, то ли парк, то ли рок, то ли джаз — не пойму.
А на пачке «Казбека» джигит с черногривой Мадиную
Все летят по горам голубым — знать, с войны. Мир ему!

«Ассалам ва алейкум! — кричу,— Подожди, уважаемый.
Где аул тут ближайший? Мне б тоже прибиться к огням!»
«Ах, отстань, урушаг! Там, в ауле, народ, унижаемый
Местным князем, на помощь зовет. Смерть его узденям!»

И понесся он дальше бесшумно. И тихим стенанием
Звук далекой зурны под сурдиной по кронам поплыл...
Из-под снега и листьев я выкопал с тихим старанием
Мокрой пачки комок — анашист, видать, летом забыл.

ВЕСЕННИЙ ДЕРВИШ

Нищий суфий с утра поджидал у угла —
Он схватил меня за руку, крикнув: «Салам»

Я увидел в глазах его, хитреньких в хлам,
Темный иконостас без лампадок. «Дела!» —

Я подумал, и дал ему чирик на хлеб,
Ну, а он, закатив черный глаз, мне сказал:
«И султан мне такого бы не оказал —
Будь навеки блажен, пусть же все восемь неб

Восхваляют тебя в краткий срок твоих дней.
Я теперь не помру — оттого, что ты спас.
Но опять попрошу я — чтоб свет не угас,
Дай мне чирик еще и прощай, Алексей».

И, как только я дал ему десять рублей,—
В миг руками взмахнул и к пивному ларьку
Полетел так, что дал бы он фору цирку...
За углом было солнце — светлей и светлей...

ЗИКР

Я помню, как Чечня кружилась в зикрах
В преддверьи непонятной всем войны —
Осколки разворванной страны
Хрустели костью, застревали в икрах,
Но танец было не остановить —
Он несся по намеченному кругу.
Прошу я, окажи одну услугу:
Не дай мне эти зикры позабыть —
Пусть вечно колобродит в голове
Молитва то ли, то ли приношение
Кого-то в жертву — словно отрешенье
От жизни, от души. Как брешь в судьбе...

АКУШИНКА

Я никогда не взвешивал слова,
Но думал я — они не гири, а пушинки,
И, взгляд поймав задорной акушинки,
Я наплевал на то, что перетрет молва.

Она меня учила выживать,
А я твердил ей о высоком смысле чувства,
И, в акушинке углядев искусство,
Назло молве я начал ввысь слова кидать.

Но никудышный из меня жонглер —
Слова разбились об пол, весь я в мелких брызгах
Осколков букв и в центре катаклизма
Раздался смех молвы, смеялся весь фольклор:

«Тут главное нога танцорки, стиль, ужимки —
Впредь не смотри в глаза веселой акушинки!»

* * *

Поседела моя борода
За одну эту клятую зиму.
Мама, выдай авансом жизнь сыну,
Ну, а чай мне нальет Зубейда.

В чайхане, что зовется всегда
То ли рюмочной, то ли гаштетом,
Я дождусь окончательно лета —
Брешь в халате тогда не беда.

Перестанут гудеть провода,
Что колком натянули морозным,
Небо будет то синим, то звездным,
И чабан взгонит в горы стада.

На-гора вдруг повалит руда
Песен, присказок, строк недопетых,
И, влюбленный в мираж, словно пентюх
Я пройду... Мимо. В зиму. Сюда.

Где снежинок щекочет слюда,
Где по окна заметена хата,
Где сверкает, как плешь, брешь халата
И белеет моя борода...

ПЕСНЯ ОДИНОКОГО АБРЕКА

Когда дервиши пустятся в пляску с эмиром,
Когда в стылой Койсу потеплеет вода,
Когда Вера, Любовь и Надежда над миром
Воссияют навеки, пожалуй, тогда
Я припомню мотив этой старенькой песни,
Что в младенчестве слышал не раз и не два,
И она принесет мне надежные вести,
И я буду твердить вновь простые слова:

Не печалься, малыш,
Отчего ты не спишь?
Ведь давно уже спать всем пора.
Завтра будет светло,
На душе весело,
И продолжится Солнца игра.
Оно встанет в свой час,
Чтоб огонь не угас,
И теплом нас с тобой одарит.
А сейчас тихо спи

В тишине и любви —
Видишь, двор лунным светом залит?

И исчезнет навек старый демон тревоги,
Поселивший пожар в мою хилую грудь.
Я не стану искать у мудрейших подмоги,
Лишь под нос прошепчу: «Ты слова не забудь».
Не забудь, как они так загадочно пелись,
Успокоив боль раны и душу твою...
Пусть в горах зацветают душица и вереск,
Верю я, что когда-то кому-то спую:

Не печалься, малыш,
Отчего ты не спишь?..

Наталья Квасникова

(г. Москва)

ЛЕРМОНТОВ В МОЕЙ ЖИЗНИ

В наше время отнюдь не переходящее знамя гениальности водружают над именем почти любого известного человека. Образовалось своеобразное тождество: если известный, то и гений. Это касается любой сферы творческой деятельности, но чаще всего встречается в отношении поэтов и артистов. О последних я здесь говорить не планирую, а вот стихотворцев немного побеспокою, прежде чем перейти к герою данной статьи.

Скажем,— вечер памяти Владимира Семеновича Высоцкого. Все выступающие в один голос: гений, гений!

Дата со дня рождения Булата Шалвовича Окуджавы: без конца слышится та же оценка.

Юрий Визбор: до чего гениальная песня «Солнышко лесное»!

Вопрос — а что, быть талантом у нас уже немодно? Слишком мелко для известности?

И в чем, собственно, гениальность «Солнышка»? Милая, безыскусная и по этой вполне понятной причине очень популярная прикостровая песенка. Пусть таковой и остается, разве плохо? В российской культуре множество произведений, далеких от монументального понятия гениальности, и они всегда будут любимы немалым количеством людей. Некоторые из них настолько вросли в наши души, что в повседневной жизни вспоминаются, поются и цитируются гораздо чаще, нежели величественные творения патриархов искусства и литературы. К примеру,— «Катюша» Исаковского, «Подмосковные вечера» Матусовского, «Не жалею, не зову, не плачу» Есенина, то же визборовское «Солнышко лесное»... Зачем все это гениализировать,— если можно так выразиться,— разве не достаточно просто любви?

Гений — очень большое понятие, отличающееся и мощью, и фундаментальностью, и, в некоторых случаях, особой, я бы сказала,— скульптурной,— легкостью. Редко, кто, сидя у костра, выезжая за город на экскурсию, начнет читать «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» или «Погиб поэт, невольник чести...»

В числе гениев — из поэтов — я назову совсем немногих. Конечно, это Пушкин, это Некрасов, Твардовский и Лермонтов. Не в хронологическом порядке, но таким образом я переакцентирую внимание на героя данной статьи.

Михаил Юрьевич Лермонтов — прямой наследник Пушкина в великой русской Поэзии. Он всемогущий повелитель Слова не менее чем автор «Онегина». Вспомним, как бронзово и грозно прогремели в свое время строки вышеупомянутого стихотворения:

*И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

Здесь и пафос, и сила, и презрение, и отчаяние — гнев в его высочайшем проявлении.

А «Бородино» — явный предшественник «Василия Теркина». Осмелюсь утверждать, что именно на этом фундаменте Твардовский выстроил собственное, не менее уникальное и величественное, несмотря на внешнюю простоту конструкции, здание поэмы о Русском Воине-победителе следующей войны.

Прошу заметить — и там, и тут звучит речь простого солдата.

*Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!*

И — спустя век:

*На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.*
(А. Твардовский)

К слову, — несколько лет назад я в очередной раз побывала в музее «Бородинская панорама». Там присутствовала небольшая группа французов во главе с гидом, вещающем на соответствующем языке. Вдруг один из них обернулся в мою сторону, приосанился и по-русски, с ехидным акцентом, заявил: «В той войне победил Наполеон! Кутузов сдал ему Москву, а если завоеватель берет столицу государства, значит, это победа».

Гид — немолодая женщина — растерялась от его напористого тона и замолчала, как-то неуверенно и коротко кивнув головой.

— Прошу прощения! — не удержалась я, обращаясь к французу. — Вы, вероятно, не в курсе, что в то время официальной столицей России был Петербург, куда Наполеон, как завоеватель, никогда не входил. А Москва имела статус крупного, но провинциального города. При таком условии, особенно принимая во внимание последующие события, Наполеона никак нельзя считать победителем.

Французский гость проглотил лимон...

*Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!*

Многие поэты «выбирают» определенную творческую тематику — сатиру, любовную лирику, философию, религию, — которой, в основном, и придерживаются. Лермонтов не ограничивает себя никакими рамками и практически нигде не теряет яркости словесной палитры.

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня...*

Вся страсть узника к свободе врывается прямо в душу читателя освежающе-мощным горным потоком. Как от ледяной воды, резко ударившей в лицо, сразу захватывает дух. Это — гений.

Его лирическое слово обладает не меньшим могуществом воздействия.

*Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного...*

Трудно представить себе такую «душу пустынную», в которой громоздился бы ураганный потенциал. А ведь основная часть этого потенциала не реализовалась! И Мартынов, подобно Дантесу, получил от судьбы долгую и обывательски-успешную жизнь... Возможно, мы, люди, не достойны видеть полный расцвет величайших человеческих умов?..

Иногда гениальность Лермонтова проявляет себя сопоставлениями, ударная сила которых чрезмерна для описываемого события. Приведу два примера, где довольно обычные любовные переживания сравниваются с эмоциональными трагедиями куда более высокого порядка:

*Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все Бог!*

Во втором примере, на мой взгляд, разница между сравнением и породившим его событием еще глубже:

*У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

Дальше, — впечатление резко обрушивается, — и с немалой высоты:

*Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*

Даже в ранней юности, когда приоритетно властвуют мечты о любви, причем желательной необыкновенной и особо яркой, я испытывала в финале этого стихотворения нечто, очень похожее на разочарование. Пожалуй, ни у кого из поэтов и писателей я до сих пор не встречала подобных контрастов.

В чем же индивидуальность и несомненная, в данном конкретном случае, гениальность Лермонтова?

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русской душой.*

Михаил Юрьевич неоднократно именуется странником, то прямо, как в приведенном четверостишии, то косвенно, в третьем лице:

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в краю далеком?
Что кинул он в краю родном?*

В отличие от пушкинского, в целом жизнеутверждающего, творчества, Муза Лермонтова философски трагична и устойчиво тяготеет к пессимизму. Его Узник не способен покинуть тюремные стены, лучшие герои стихов и поэм сгорают в огне страстей от безнадежности бытия. Таков Мцыри, таков Арбенин, не поверивший в искренность правды, но не усомнившийся в правдоподобии лжи. Таков и Демон, одиночество которого оказалось непреодолимым.

*Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно...*

Поэт живет в сложном мире, и даже молодость не в силах отвлечь его от горечи противоречивых мыслей и настроений.

*И тьмой, и холодом объята
Душа усталая моя...*

Герои Лермонтова часто превосходят автора возрастом, и зрелость суждений, которую поэт придает им, абсолютно убедительна.

Очень люблю я также «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Самое, что ни на есть, русское произведение. Неподдельно былинная певучесть языка, почти древнегуслиарская неспешность повествования. Кто прочтет — «как будто... увесистую чашу стоялого, хмельного меду выпил...» Несмотря на трагический по сюжету конец, поэма не оставляет столь горького осадка, как большинство других лермонтовских творений. Казнил грозный царь удалого купца Калашникова, но прежде успел Степан Парамонович постоять за справедливость и наказать своего обидчика. Не испугался гордо ответить самому Ивану Васильевичу:

*Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому...*

И становится понятно, почему мимо его безымянной могилки «пройдет молодец — приосанится». Ох, немногим, даже великим, поэтам удается такое национально безупречное и гармоничное произведение. Вспоминается Толстой: «...дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские...»

Анатолий Коновалов

(г. Елец)

ЖЕРТВА ЖРЕБИЯ ЗЕМНОГО

(повесть)

Помощник ректора Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина, доцент кафедры журналистики, автор двадцати книг прозы и публицистики, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург), лауреат региональных премий: литературной — имени Е. И. Замятина, журналистской — имени А. А. Вермишева, член Союза российских писателей.

1

Шестнадцатилетний Сашка Худяков даже и подумать не мог своей юной головой, что ему придется вскрывать могилы. Да еще почти рядом с захоронением его бабушки Ани.

А произошло это совершенно неожиданно. В механическую мастерскую нагрянул заместитель председателя колхоза, в то же время секретарь партбюро этого хозяйства Николай Александрович Селиверстов. Механизаторы, что старше и авторитетнее, начали «откалывать» шуточки.

— Опять, Алексаныч, пришел кого-то уговаривать в партию вступить?

Селиверстов изобразил виновато-стеснительную улыбку:

— Это, мужики, дело сугубо добровольное, так что тянуть в КПСС за рукав никого не собираюсь...

— Неужели, Николай Александрович, премию нам за хорошую работу принес? — по мастерской пронесся дружный смех.

— А вот хорошая работа вам еще предстоит, — произнес он вполне серьезно.

— У нас и от этой рубахи хоть выжимай. Что-то ты, Николай Александрович, мудришь?

Селиверстова недавно избрали партийным руководителем. До этого он с этими мужиками гайки крутил, случалось, и руки до крови сшибал. Потому относились к нему колхозники с уважением, но на «ты» так и не перестали обращаться.

— Придется вам, мужички, гаечные ключи на лопаты и ломы поменять, — взгляды ремонтников полные удивления он обезоружил теплом сияющего лица.

— Вот те на-а-а...

— Александрович, у тебя случайно вчера никакого застолья не было? — с интонацией доброй шутки спросил один.

— Да нет — не похоже вроде. С виду свеж, как весенний дождичек, — подыграл шутке первого другой механизатор.

— А теперь, мужики, шуточки в сторону. По распоряжению председателя колхоза вам предстоит выполнить не совсем приятную работу...

— Как будто работа в нашей грязи может быть приятной,— выпустил кто-то на волю остроту.

— Нет, мужики, я неверно выразился. Особая работа поджидает.

— Не томи, парторг, загадками.

— Могилу надо раскопать.

— Что, что-о-о?

— Могилу Юрия Петровича Лермонтова...

— Это, за какие же такие грехи его решили потревожить?

— По просьбе Пензенского облисполкома Липецкий облисполком разрешил его останки перенести в село Лермонтово, где находятся могилы его сына — Михаила Юрьевича и жены Марии Михайловны. К нам уже приехали представители музея-заповедника и член бюро нашего райкома партии. Так что, предстоит поработать на погосте.

— И кого же ты, Николай Александрович, забираешь? — поинтересовался заведующий мастерскими.

— Сколько людей сейчас занято на ремонте? — спросил Селиверстов.

— Двенадцать человек.

— Не будем никого обижать, задействуем всех,— решил заместитель председателя колхоза,— быстрее отделаемся.

— А как же быть с ремонтом? — теперь уже забеспокоился заведующий мастерскими.

— Такое распоряжение руководства колхоза и района.

— А помин души усопшего будет? — проявил голос остряк, который, все знали, из-за язвы желудка несколько лет вкус спиртного только во сне до дрожи в теле испытывает.

— А как же без этого,— обнадежил, улыбаясь, парторг.

Вот так Сашка Худяков и попал в группу «могильщиков». Он после окончания восьми классов местной Лукьяновской школы и курсов механизаторов работал в колхозе имени Лермонтова бульдозеристом. Когда не было в хозяйстве для его трактора фронта (а тогда почему-то «фронтом» считали и поля, и фермы) работ, молодого и смышленного парня использовали слесарем на ремонте сельхозтехники.

* * *

Возле церкви Успения Пресвятой Богородицы села Шипово появились люди. Они вышли из автобуса кто с лопатой, кто нес в руках лом, а кто-то вооружился топором.

Приход этой церкви имел два кладбища — старое и новое. Вышедшие из автобуса рабочие, остановились у старого. Их уже поджидали директор Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова «Тарханы» Пензенской области Валентин Павлович Арзамасцев, а так же член бюро, второй секретарь Становлянского райкома КПСС, бывший главный редактор Становлянской районной газеты «Звезда», далеко известный за пределами Липецкого региона литературный краевед Владимир Федорович Топорков. Будучи журналистом, да и потом, ступив на партийную стезю, он настойчиво изучал архивные и исторические материалы, из которых по крупницам собирал неизвестные доселе страницы или даже малые крохи из жизни Бунина, Пришвина, судьба которых оставила след на Становлянской земле. Владимир Федорович один из немногих в Липецком крае, а может, и в России, кого заинтересовала судьба не столько поэта Лермонтова — исследователей его творчества и жизни было немало и в СССР, и за границей, сколько его родителей, особенно отца, который нашел, казалось бы, вечный покой у стены церкви в селе Шипово. Но через 143 года после похорон Юрия Петровича оказалось не совсем так...

Появление людей испугнуло дремавших в зарослях деревьев и кустарников сорок. Они громким стрекотом встретили гостей. Их базарный шум поддержала, закружившая низко над погостом, стайка галок. Для птиц каждый человек, появляющийся на старом или новом кладбищах, долгожданный благодетель. От него обычно им доставались зерна пшеницы или риса, печенья или конфеты с кладбищенских холмиков, которые тот приносил на помин душ усопших родственников.

Руководитель музея-заповедника из села Лермонтово, которое получило такое название в 1917 году от села Тарханы, пояснял:

— По данным Тульского краеведческого музея захоронение Юрия Петровича произошло у стены вот этой церкви юго-восточнее алтаря,— он как литературовед и кандидат исторических наук, казалось, всматривался в каждую неровность, чем-то напоминающую могильный холмик возле храма.

— Но тут нет ни единого надгробья или какого-то другого знака, что указывало бы хоть на как-то захоронение,— рассуждал Топорков, разглядывая место, на которое указал Арзамасцев.

— Что вы предлагаете? — спросил озабоченно представитель музея.

— Не знаю,— признался откровенно Владимир Федорович.

Арзамасцев достал из папки, которая была в его руках, листок бумаги.

— Я хочу вам, товарищи, зачитать выписку из церковной книги, которая сейчас хранится в Тульском краеведческом музее. В ней говорится: «В октябре первого числа 1831 года погребен на отведенном кладбище юго-восточнее алтаря корпус капитан Юрий (Евтихий) Петров Лермонтов, военнослужащий, вдовый. Умер от чахотки». Эту запись засвидетельствовал священник церкви Успения Пресвятой Богородицы Николай Корнильский-Соболев. Потому сомнения нет, что место захоронения отца великого поэта находится где-то здесь,— пензенский гость вновь неопределенно обвел рукой пространство вокруг себя.

Воцарилась тишина. Ее прервал один из механизаторов:

— Так, где рыть-то будем? — складывалось впечатление, что ему было все равно, где дать работу рукам и лопате, лишь бы расчет получить как можно быстрее. Вид у него был явно после «кукуса» вчерашнего «зеленого змия».

Ему никто не ответил. Топорков поинтересовался:

— Валентин Павлович, но здесь, видимо, было погребение не только отца Михаила Юрьевича?

— Безусловно. По нашим сведениям тут захоронены отец, мать и сестры Юрия Петровича,— ответил уверенно Арзамасцев. Ему, как и Топоркову, на вид было чуть более тридцати лет, но он уже с 1966 года руководил музеем-заповедником, прекрасно знал родословную Лермонтовых.

— Тогда по каким приметам мы определим останки Юрия Петровича почти через полтора века после его смерти?

Топорков отличался тем, что ни в своей бывшей редакторской работе не упускал ни одну мелочь, если это касалось жизни его земляков-писателей. И хотя по образованию он биолог, но по призванию был фанатичным литературным краеведом. А что связано с селом Шипово, тем более. Ведь он собирал очень скудные сведения о жизни и творчестве еще одного замечательного писателя, которого почему-то крайне редко вспоминают на становлянкой земле,— Николая Васильевича Успенского, творчество которого в свое время в журнале «Современник» высоко оценил Некрасов, назвав его «крестьянским трибуном». Лестные отзывы о рассказах Успенского написали Добролюбов, Тургенев, Толстой, Григорович. А вот в этой церкви, рядом с которой они стояли с Арзамасцевым и механизаторами, в сороковые годы XIX столетия проводил службы его отец — священник Василий Яковлевич, и куда в детские и юношеские годы, безусловно, заходил будущий прозаик.

— Есть у нас сведения из различных источников, что Лермонтова положили в гроб в костюме защитного цвета — скорее всего в военном мундире. На день смерти он был с бородой и усами. Знаем, в каком возрасте умер...

— И все? — не унимался Топорков.

— Других данных у нас, да и, наверное, у вас, нет...

— Конечно,— сухо подтвердил Владимир Федорович.

— Что будем делать? — уже нетерпение проявлял Арзамасцев.

— Копать, где вы показали,— сказал Топорков, он был ответственным представителем от области и района на процедуре вскрытия могилы.— Командуй своими орлами, Николай Александрович,— обратился он к Селеверстову.

Через некоторое время лопаты начали вгрызаться в землю.

Стояла погожая осень 1974 года...

2

Пехотный капитан Юрий Петрович Лермонтов, вышедший в отставку по болезни в 1811 году, приехал в свое имение, Кропотово, и сделался соседом помещиков Арсеньевых из села Васильевское. Он находился в приятельских отношениях с сыном хозяина имения — Николаем Васильевичем. В те времена было заведено, что помещики-соседи считали за правило наезжать друг к другу на чаепитие или балы-веселья.

Но чаще всего кропотовский землевладелец наведывался к знатному и богатому помещику Елецкого уезда. В шумном, веселом и безмерно гостеприимном арсеньевском доме этому кудрявому шутнику, с обворожительной ямочкой на подбородке и живыми темными глазами быстро нашлось место. Обнаружились в Лермонтове модные тогда в офицерской братии пристрастия: картежная игра, кутежи и бесчисленные романы с барышнями, жаждущими романтики и любовных приключений.

В доме статского советника Василия Васильевича Арсеньева всегда было много гостей. Не исключением оказался и тот вечер. Более того, появилась еще одна причина шумного бала. Из Тархан Пензенской губернии приехала в Васильевское жена старшего брата хозяина имения Елизавета Алексеевна Арсеньевна с дочкой Марией.

Машенька случайно, но с интересом заметила среди присутствующих молодого человека приятной и обворожительной наружности.

На нем был по меркам высшего общества, а именно таковым считалась семья Столыпиных, выходцем из которой являлась Елизавета Алексеевна — в замужестве Арсеньева, дешевый костюм. Но он отличался той приятной для глаз небрежностью, которая изобличала молодого человека, привыкшего хорошо одеваться и вращаться в светском обществе. Хотя в его одежде не замечалось никаких драгоценностей. Одет он был в черный фрак, в белую рубашку со стоячим воронкообразным воротником, упирающимся в подбородок и туго обнимающим шею. Нашейный платок, цвета рубашки, двумя косичками заигрывал с широкими лацканами. Чуть ниже нашейного платка повязан галстук — светло-серый, расшитый бисером.

Мария видела многих людей его возраста одетых гораздо богаче, но никого, кто умел бы с таким достоинством и грацией придавать значение своему платью.

Его прическа сделана с локонами в виде штопоров по обе стороны лба. Аккуратно подстриженные и вьющиеся, как и волосы на голове, бакенбарды смело опускались к подбородку.

Но больше всего поразили юную Арсеньеву его большие глаза. В них вроде бы и искрилось удовлетворение жизнью, но в то же время в их глубине прятались грустинки, от того они принимали чрезвычайно томный и, как показалось девушке, за-

гадочный вид. Потому выдавали в молодом человеке еле заметную усталость, а может, и признаки какого-то недуга.

Его черты лица представлялись Марии совершенными. Высокий лоб намекал, по-видимому, на природный ум. Небольшой рот с пухлыми губами, цвета не совсем вызревающей вишни, рисовали в ее воображении его сентиментальную, романтическую натуру. Широкий подбородок подчеркивал характер человека волевого. Прямой, симметричный лицу, нос дополнял приятную внешность. Брови от переносицы расправляли свои изящные крылья, как бы спрашивая, а вы нас не ждали? Лицо в меру полное, придававшее его хозяину добродушие.

В нем не было ни малейшего намека отчаянного фата. Ничем особенным он не отличался от других мужчин, но в нем было что-то такое, что заставило учащенно биться юное сердечко. Девушка очаровалась им.

В свои восемнадцать лет Машенька считала себя старой девой. Если мужчина в те времена задумывался серьезно о женитьбе к тридцати годам, то девушка созревала в невесты уже в четырнадцать-пятнадцать лет. Она уже по-взрослому танцевала на детских балах, куда приезжали молодые люди высматривать себе невест. А ей уже стукнуло целых восемнадцать! О, боже! И она еще ничья невеста. Хотя для этого была причина.

Машенька Арсеньева родилась ребенком слабым и болезненным.

И когда ее сверстницы из известных и богатых семей уже «невестились», она все еще выглядела хрупким созданием. Бог наградил девушку добротой, которая позволяла ей искренне, от души помогать в лечении крестьян их имения. Временами у нее случались нервные вспышки. Скорее всего, это было результатом зарождающейся в ее организме чахотки. Хроническое заболевание, как червь спелое и румяное яблоко, подтачивало ее легкие. И нервные срывы случались тогда, когда она еще и в кишечнике, и в почках чувствовала остро болезненные рези.

Юрий Петрович, увлеченный беседой с прибывшими из Петербурга и Москвы сыновьями Арсеньева о светских новостях двух столиц, о зарождении масонства в России, не обратил внимания на пензенскую барышню. И только тогда, когда она села за фортепьяно и запела детским грудным с дрожью голосом, Лермонтов повернул голову в ее сторону.

Его взгляд на какое-то мгновение заledenел. Уши перестали слышать слова собеседников. Внутри его что-то заколотилось.

Ее чудные уста выводили, как показалось капитану, колдовские звуки:

*Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобой?
Любим и страдаем всякий час.
Боремся напрасно со своей судьбою,
Нет на свете радостей для нас.*

С каждым ее словом, с очередным звуком фортепьяно у него возникало желание подойти к ней и, презрев бестактность, познакомиться, искренне поблагодарить ее за то, что она засветила искорку в потемках его души.

А она продолжала петь и околдовывать его:

*Зрю ль тебя, не зрю ли, равну грусть имею,
Равное мучение терплю...*

Его душу действительно в последнее время беспокоили мучительные мысли. На взлете военной карьеры в возрасте двадцати четырех лет он по болезни вышел в от-

ставку. Его беспокойная и деятельная натура не позволила ему отлеживаться на диванах и быть спокойным, когда наполеоновские войска пересекли границу России. Корпуса капитан вступил в Тульское дворянское ополчение. В боях с французами получил ранение, и какое-то время находился на излечении в военном госпитале в Витебске. Но не рана беспокоила его. В глубинах молодого организма разбросала свои семена чахотка, которые дали первые всходы прогрессирующей болезни...

Девушка заканчивала романс словами:

*О печально сердце! Где твои утехи!
Все прошло, и уж надежды нет.*

В зале повисла тишина, которую затем взорвали аплодисменты. Они вывели Юрия Петровича из состояния задумчивости и растерянности. Он шагнул к фортепьяно.

Его заметили возле девушки только тогда, когда молодой человек сделал выразительный наклон головы, положил правую руку на левую сторону груди и произнес:

— Разрешите выразить вам восхищение от чудного романса. Он до глубины души взволновал меня.

Машенька смотрела на него так, словно кто-то в кромешной темноте зажег яркую свечу. Ее щеки залил малиновый сок. Застенчивость читалась в ее глазах.

— Вам понравились слова или музыка? — что-то мешало ей легко и ровно дышать.

— И то, и другое! У вас великолепный голос! — В эти мгновения ему почему-то самому хотелось петь.

— Вы преувеличиваете мои способности, но мне приятно это слышать.

Он смотрел на нее и не мог оторвать взгляд, понимал, что это неприлично — они же не были знакомы.

Видя замешательство приятеля, к нему на выручку поспешил Арсеньев-младший.

— Жорж, разреши представить тебе мою кузину. Это наша прелестная Машенька, точнее Мария Михайловна Арсеньева.

У Лермонтова в душе разлилось тепло, лицо расцвело от улыбки.

— Очень приятно!

— А это, Машенька, наш сосед по имению и мой приятель по учебе в кадетском корпусе Юрий Петрович Лермонтов.

— Мне приятно, Николая, что у вашего батюшки такие соседи, а у тебя такой приятель. Вы, как и кузен, военный?

— Я корпуса капитан, но два года как в отставке.

Арсеньев заметил, что двое молодых людей не сводят друг с друга глаз, с каким-то намеком улыбнулся:

— А теперь разрешите вас покинуть, меня ждет папенька.

Они оба ему в этом не возражали.

— Вы спели прекрасный романс, я его раньше не слышал. Чьи такие дивные слова и музыка?

Мария Михайловна не замедлила ответить:

— Стихотворение-песню написал Александр Петрович Сумароков. А музыку...— девушка замаялась и зарделась,— сделала попытку сочинить... я...

— Вы?!

С детской непосредственностью она застенчиво прошептала, опустив глаза:

— Вам не понравилось?

— Да что вы такое говорите? Она глубоко тронула мою душу.

— Это вы не желаете меня обижать...

Перед ним стояла сама невинность. Ее чуть узкие глаза, смоляные волосы, такого же сочно-черного цвета серпы бровей, в меру скуластое лицо намекали на ее больше азиатское происхождение, чем европейско-русское. Такое у него было первое впечатление об этой замечательной девушке. Тогда он не знал, что не ошибся. Древний род Арсеньевых берет свое начало в России с 1389 года, когда к Великому князю владимирскому и московскому Дмитрию Донскому из Золотой Орды перешел на службу Аслан Мурза Челебей — один из представителей татарской знати. Впоследствии он принял православную христианскую веру и получил имя Прокопий. По родословной легенде «сам Великий князь был его восприемником и выдал за него дочь своего ближнего человека Житова — Марию». У Прокопа было три сына — Арсений, Яков и Лев. Старший сын Арсений (Юсуп) и являлся родоначальником Арсеньевых.

Видимо, от далеких татарских предков и унаследовала Мария Михайловна немного узкие глаза и чуть скуластое лицо.

Но в тот момент ему было все равно, какого рода-племени его новая знакомая. Жоржа, так Юрия Петровича называли приятели по кадетскому корпусу, еще с Петербурга влекли приключения в обществе хорошеньких барышень. Он, несмотря на болезнь, оставался азартным игроком не только в карты, но и в отношении юных особ, невзирая на их происхождение.

Когда Арсеньев и Лермонтов обменивались взглядами и словами, Елизавета Алексеевна поинтересовалась у брата покойного мужа:

— Василий Васильевич, с кем это моя Машенька так щебечет? — Она находила приятным собеседника дочери.

— Это сын небогатых помещиков из Кропотово.

— Из Кропотово? — вопрос прозвучал певуче и в какой-то мере недоуменно.

— Имя Юрия Петровича — так зовут этого молодого человека, находится в верстах сорока от нашего, правда, в Тульской губернии Ефремовского уезда.

— А какими судьбами он попал в гости к вам? — Ее лицо из ранее светлорадостного посерьезнело.

— Юрия Петровича пригласил Никола. Они вместе учились в Петербурге.

— Он тоже военный? — Ее глаза, словно рентгеном, впились в Лермонтова.

— Корпуса капитан. Но года два назад вышел в отставку, говорят, по состоянию здоровья...

— И чем он болен? — Напоминание о болезни разбудило в ее душе тревожные нотки. Ведь недуг так же преследует ее единственное и драгоценное чадо.

— Вот этого, Елизавета Алексеевна, знать не могу.

— А какое поприще он избрал после службы?

— Сказывают, занимается хозяйством в своем имении...— Василий Васильевич, не скрывая улыбки, спросил.— А что это вы, разлюбезная Елизавета Алексеевна, воспламенились интересом к нашему соседу? Неужели с ним планы какие-то связываете?

— Полноте, дорогой Василий Васильевич, о чем вы говорите?..

— Все о том же, Елизавета Алексеевна, что пора для Машеньки достойную партию выбрать. Или вы другого мнения? — В его глазах играло лукавство.

— Пора-то оно пора, только...

— Я вам скажу — Лермонтов положительный кавалер.

— Положительный — не значит достойный...— многозначительно ответила она, словно раз и навсегда потеряла интерес к разговору о Юрии Петровиче.

* * *

Объявили о начале танцев.

В доме Арсеньевых бал, как обычно, открывался менуэтом.

Лермонтов не замедлил обратиться к девушке:

— Мария Михайловна, разрешите пригласить вас на первый танец.

Она, казалось, только и ждала этой любезности с его стороны. Но на какое-то мгновение помедлила. Румянец на ее лице стал еще гуще.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение.

Они начали танец, больше напоминающий торжественную прогулку.

— А знаете, Мария Михайловна, в обеих столицах балы уже не открывают менуэтом.

— Чем же, позвольте поинтересоваться?

— Обычно полонезом.

— Но он практически ничем не отличается от менуэта.

Юрий Петрович широко заулыбался:

— Вы совершенно правы. И тот, и другой нудный и скучный. А вы как на это смотрите?

Машенька многозначительно ответила:

— Все зависит от настроения. Иногда хочется спокойно проплыть под музыку, а порой непреодолимо желание быть непринужденной и шаловливой, как в котильоне,— ее лицо сияло чистотой, детской радостью.

Он вел ее по залу, словно парил с нею вместе где-то в бесконечной голубизне небес. Такое с ним редко случалось в обществе барышень. Ему неожиданно показалось, что Машенька именно тот человек, с которым хочется заглянуть в будущее, строить, пусть пока и призрачные, совместные житейские «замки».

«А почему бы и нет? — задал он себе вопрос.— Хотя куда спешить? — возразил любвеобильный игрок. Но жил в нем и другой человек, который пристыдил его.— Но ведь, как в картах, игра когда-то заканчивается, азарт не всегда приводит к добру...— и вновь проскользнуло сомнение.— Но не песчаный ли я замок собираюсь возводить?..»

Признался барышне:

— А вы знаете, и у меня частенько подобное случается.

Она смотрела на него, и тепло наполняло ее душу. Ей нестерпимо захотелось вместе с ним раствориться в каком-то головокружительном танце. В ее девичьей судьбе, крайне скудной на знакомства с кавалерами, такое настроение вспыхнуло впервые.

Музыка менуэта неожиданно быстро умолкла.

Лермонтов искренне произнес:

— Как жаль, что танец закончился.

— Поверьте, мне тоже.

— Я вас очень прошу — подарите мне, хотя бы еще один танец.

Сама незапятнанная простота распахнула настежь свою душу:

— Хотя бы один танец будет ваш...

* * *

После того, как Юрий Петрович познакомился с Машенькой Арсеньевой, его визиты стали в село Васильевское частыми. Вспыльчивого «дамского угодника» будто подменили. Он больше не подходил к карточному столику, прекратились пьяные оргии, его закадычным приятелям показалось, что Жорж не замечает, как раньше, ни одной барышни кроме пензенской девицы.

Друзья начали в отношении его упражняться в остротах.

— Узнаете ли, господа, нашего прежнего Жоржа?

— Неужели его страсти завяли, как самые изумительные розы на морозе?

— Господа, я не сдержу слез. Наш разудалый и бесшабашный друг, кажется, сражен самой острой стрелой Амура...

— Да, участь, видимо, его предрешена...

— Жорж, мы ждем, не дождемся приглашения на мальчишник.

Юрий Петрович молча улыбался в ответ на дружеские реплики в свой адрес. Сам себе говорил: «А ведь они почти попали в цель, к Машеньке я отношусь совершенно по-другому, чем к прежним своим увлечениям и зачастую победам. Нет, она ни на кого не похожа».

— Господа, я должен признаться, что в ваших словах-колочках есть значительная доля правды...

— Даже так, Жорж? — молнией сверкнул вопрос-удивление под общий веселый гул.

У ранее не особенно-то застенчивого Лермонтова лицо словно впитало цвета алой утренняя зари. Он обреченно кивнул головой.

* * *

А в это время Елизавета Алексеевна затеяла неприятный для Машеньки разговор.

— Дочка, не кажется ли тебе, что господин Лермонтов проявляет к твоей персоне повышенное до неприличия внимание?

— Маменька, да что вы такое говорите?

— Что замечаю, да и другие не слепые, об этом и позволила тебя спросить.

Арсеньева — старшая, выстрадавшая в своей жизни несчастную любовь и трагическую супружескую судьбу, даже близко не подпускала мысль, что подобное она допустит и по отношению к своей дочери. После смерти ее мужа прошло три года. Все это время вдова находилась в состоянии какого-то кошмарного сна. Она стояла рядом с дочерью, а ее память метнулась в прошлое.

...Двадцатилетняя девица Елизавета Столыпина — гордая, чересчур степенная, даже может, и неуклюжая, не красавица, но наружности приятной, украшенная достоинством старинных манер, румянцем во все щеки, с удивительной легкостью попала в ловко расставленные сети ритора-гвардейца. Михаил Арсеньев — богатый Елецкий помещик, отличался веселой живостью нрава, колдовской любезностью. Он удивительно легко мог очаровать почти любую даму. Не исключением для ловца приключений, светского остроумца, бывшего гвардейца стала и девушка из знатной и славной на всю Россию фамилии Столыпиных.

Красивое и романтическое ухаживание Мишеля за Лизонькой закончилось грандиозной и шумной свадьбой.

Через два года после венчания в двадцать семь лет Михаил Васильевич, при поддержке очень влиятельных родных супруги избирается местным предводителем дворянства. Говаривали в светских кругах, что Арсеньев, обладая истинно природным обаянием и завидным даром речи, мог легко распутывать нередко самые спорные и, казалось, не развязываемые «гордиевы узлы».

Не по годам обладал «ненаглядный» ее муж серьезными и практичными поступками. На все столыпинское немалое приданое и на свадебные подарки кругленькой суммой в пятьдесят восемь тысяч рублей серебряными ассигнациями купил в середине ноября 1794 года имение в Чембарском уезде Пензенской губернии с барской усадьбой в селе Яковлевское, которое насчитывало более четырех тысяч десятин земли. Его он, затейливо для многих родственников и знакомых, в том

числе и до бесконечности счастливой супруги, переименовал в Тарханы. А сделал он это неслучайно.

Жители купленного села издавна занимались хлебопашеством, скорняжным промыслом, скупали мед, сало, шерсть, но больше всего шкурки домашних животных. Выделанный мех продавали далеко за пределами своей губернии. Таких скупщиков, разъезжающих по деревням и селам, называли тарханами. Почему этим тюркским словом нарек также приобретенное село Михаил Васильевич? А бог его ведает, что ему при покупке имения взбрело в голову. Может, татарская кровь в нем проявилась и очередную шутку сыграла. Но только это село под новым именем — Тарханы — через несколько лет получило широкую известность. Здесь и родилась через четыре месяца после покупки имения Машенька.

Супруги Арсеньевы грезили наполнить новую усадьбу дюжиной детей. Но на небесах распорядились по своему усмотрению. Вскоре после родов занемогла Елизавета Алексеевна, да так, что ранее сочный румянец на ее щеках начал быстро увядать. И к тридцати годам она напоминала наружностью увядший поздней осенью цвет, походила все больше на женщину преклонного возраста. О мечте — многочисленных и самых красивых наследниках — пришлось по совету докторов... забыть.

В венах же Михаила Васильевича текла горячая кровь дальних татарских предков, потому степенным помещиком он стать не смог, да и не возжелал. Хозяин имения никому не давал покоя, и прежде себе. Его фантазию будто прорвало. Каждый месяц устраивал в Тарханах то концерты, то спектакли, то псовую охоту, да такую, что вся округа оглашалась собачьим лаем, звуками многочисленных рожков охотников.

А какие маскарады организовывал? С весельем и шутками, с колпаками, фантастическими нарядами и масками. И сам был первым выдумщиком — шутником изысканным, артистичным.

Уездные гости диву давались:

— Михаил Васильевич, ну вы, любезный, не перестаете нас поражать своими выдумками!

Улыбка сияла на широком лице, он думал с лукавством и хитроватым прищуром дышащих огнем глаз: «Погодите, дорогие мои, то ли еще будет...»

Ум соседей протестовал понимать радушного и гостеприимного помещика. Ведь у них самих в усадьбах были крепостные театры с домашними актерами, иногда не только способными, но и порой талантливыми. Но чтоб такое «вытворять» им даже не снилось.

Он ведь до чего додумался? Из Москвы привез карлика-слугу. Забавен тот был — спора нет. Но этот бестия своим малым ростом и уж очень непредсказуемой миной на лице пугал домашних, особенно в темноте, до обмирания сердечного.

Елизавета Алексеевна не из робких женщин, но, увидев это «шарообразное чудо», махала руками и неистово крестилась:

— О, господи, избавь от нечистого...

Она умоляла мужа:

— Мишель, отправь этот несуразный шар на коротких ножках обратно в Москву, прошу ради Христа ...

— Что так вдруг, Лизонька? — спрашивал он вроде бы с неподдельной наивностью, а у самого в глазах озорные чертики резвились.

— Спать сей карлик не дает, — злилась не на шутку жена.

— Неужели по мужской части пристает? — А от искр в его глазах хоть свечу зажигай.

— Мишель, как тебе не совестно подумать такое? — надула она губы. — Твой урод любит спать на подоконнике фасадного окна.

— Ну и что из того? Пусть себе ночи коротает. Кому он мешает? — продолжал изображать наивность Михаил Васильевич.

— В первую очередь мне и всем домашним. На это чудище собираются поглазеть толпы усадебных крестьян...

— Говорят, Лизонька, что видели под окнами и соседних помещиков... — Его душа озорничала, словно он был не предводитель дворянства, а шаловливый ребенок.

— Тебе, Мишель, все шутки и маскарады на уме, — она же понимала, что муж ее, неисправимый потешник и сам в большей мере клоун, потому выдворение карлика из имени он вряд ли допустит. Уж очень он дорог и люб ему оказался.

Михаил Васильевич, чтобы не доводить разговор с женой до ссоры, а они все чаще вспыхивали между супругами, без какого-либо ответа спешил по якобы неотложным делам.

Бог, наверное, только ведал, что думала Елизавета Алексеевна, когда Арсеньев брал на колени глубоко болезненную Машеньку.

— Мы с тобой, радость моя, будем мелодии на клавикордах разучивать.

— Оставь ее-то в покое, Мишель, — умоляла она неугомонного мужа-жизнелюба.

Да разве его могло что-то остановить, если в голове очередная шальная мысль вихрем кружит. А девочка тихо и с удовольствием подчинялась папеньке. Отец наигрывал на клавикордах мелодии, а Машенька напевала под них французские песенки.

После вокальных уроков начинались танцы.

Опять беспокойство тревожило душу матери.

— Мишель, ты же знаешь состояние здоровья нашего ангелочка, зачем утомляешь ее?

— Маменька, я хочу кружиться, как белка в колесе.

— Вот видишь, Лизонька, какая у нас с тобой умница растет. Она лесной ландыш напоминает — хрупкий и красивый. Бледненький только, словно за стеклом выращенный, — он готов был отдать ей весь жар своей неугомонной души.

— Да, да, папенька! — звенел колокольчиком голос ребенка.

В эти мгновения и мать не могла сдержать радости и внутреннего успокоения. Хотя и не понимала: «И с чего это он выдумал, что наша красавица на бледный ландыш за стеклом похожа? А вообще-то, что удивляться его бурной фантазии?»

А хрупкое дитя-тростиночка скользила по вошеному паркету, взмахивала почти прозрачными ручками-крылышками, готовое от счастья парить. По полу, стенам, потолку плыли друг за другом причудливые тени от больших восковых свечей.

— Ай! молодец, ай! красота ты моя ненаглядная! — ликовал отец. — А ты, Лизонька, так и норовишь наш ландыш под стеклом держать...

— Да что ты такое говоришь, Мишель?

— Мы еще, Лизонька, будем гордиться нашей девочкой...

— Дай-то бог, — многозначительно произносила Елизавета Алексеевна. Наверное, только матери остро чувствуют радость или беду, которые поджидают их дорогих чад на жизненной тропинке.

Но и на этом не унялась буйная натура Михаила Васильевича. Он сидел как-то за письменным столом и готовил речь, которую должен был произнести на дворянском собрании. Неожиданно в его кабинет заглянула Машенька.

— Папенька, можно я с вами посижу? Мне скучно, — девочке исполнилось шесть годков, и только ей позволялось в любое время обращаться к отцу с какими угодно просьбами.

— Доченька моя, я ... — Он хотел сказать, что очень занят, но вдруг у него внут-

ри, словно что-то перевернулось,— а, вообще-то, почему нельзя? Тебе, мое солнышко, все можно.

За то, что дочь народилась с целым букетом болячек, он в первую очередь винил жену. Если сам Арсеньев был полон сил, энергии, то Елизавета Алексеевна после родов неизвестно от чего на глазах превращалась из румяной, дородной и желанной женщины в высушенный фрукт.

«Значит ее корни непрочные и немощные,— терзался он,— потому и дочь с детства недугом награждена...»

Отец из-за болезни девочки очень переживал, готов был ради нее все, что угодно, сделать, души в ней не чаял.

Михаил Васильевич быстро убрал на столе документы и другие бумаги в сторону и скомандовал:

— А ну, моя прелесть, садись рядом со мной.

— Зачем это, папенька?

— Иди ко мне, тогда и узнаешь...

Она, обрадованная, приблизилась к отцу. Тот достал из выдвижного ящика стола кисточку и тушь.

— Пора тебе, Машенька, учиться рисовать. А то поешь, как соловей, по паркету скользишь балериной, надо в тебе и талант художника развить. Как на это смотришь? Девочка застенялась, не знала, что ответить.

— Вижу, желание у тебя такое есть...

— Да, папенька,— робко призналась дочь.

— Вот и молодец! Ты любознательная в нас — Арсеньевых...

И он начал учить Машу держать в руках кисть, выводить на белом листе бумаги какие-то линии, кружочки, крестики. А став десятилетней барышней, она уже рисовала черной тушью в своих альбомах белоствольные березы с раскидистыми ветвями и длинными подвесками-сережками. Появились и акварельные, сочные цветы-розы, изящные, словно девичий стан, изгибы реки с живописными берегами. Но чаще всего она изображала знакомые лица или профили. Юная художница долго просидела над портретом своей кузины и тезки Машеньки Шан-Гирей. Сходство, красота, а самое главное — характер родственницы так были удачно подмечены, что Михаил Васильевич не побоялся вывесить этот портрет в рабочем кабинете и с гордостью его показывал своим гостям.

Елизавете Алексеевне порой казалось, что она, муж, их способная дочка так и будут плыть в надежной лодке семейной идиллии. А лодка, возьми, и опасный крен дала. Нескончаемо неугомонный пыл природы Михаила Васильевича подтолкнул то суденышко к высокому жизненному водопаду. В таких случаях обычно говорят: «Седина — в голову, бес — в ребро». Влюбился чембарский предводитель дворянства — безумно, страстно.

Доброжелатели шепнули Елизавете Алексеевне:

— У вашего, голубушка, мужа роковая пассия глаза разума густым туманом обольщения заволкла.

Арсеньева приняла такую новость лишь за сплетню, которую могли распускать его недоброжелатели и завистники в дворянском собрании. А своему Мишелю она всегда доверяла. Только вот почему-то «верный и надежный» ее супруг начал из дома исчезать. Холодок в их отношениях все чаще осенние заморозки напоминал. А вскоре сплетня превратилась в обжигающую душу тревогу, которая дала о себе знать, как бледный подснежник о приходе весны. Оказалось, что половодьем чувств прибило Михаила Васильевича к берегу любвеобильной соседки по имени Мансырьевой. Ее муж — военный человек — по долгу службы частенько отсутствовал в семье. А молодая чернобровая хозяйка села Онучи томилась от нестерпимой жажды

мужской ласки. На одном из балов, которые жена полковника любила устраивать в своем барском имении, она буквально расстреляла угольными глазами красавца и весельчака Арсеньева. Перед их натиском он устоять не смог. Зачастил в Онучи Михаил Васильевич.

Потемнела душа Елизаветы Алексеевны. Она старалась прочь гнать мысль об измене и позоре. Увлеклась гаданием на картах, но они не раскладывались угодным радужным узором, беду все больше предрекали. Пробовала прочь гнать черные мысли, а они неразлучной тенью за ней ползли. Просила Машеньку что-нибудь сыграть веселое на фортепьяно, которое ей подарил папенька на день ее десятилетия. Дочь видела глубокую грусть в глазах матушки, старалась напевами отогнать подальше от нее злодейку-тоску. Но мать под звуки мелодии украдкой от девочки почти из выплаканых глаз все же выдавливала слезинку за слезинкой.

Арсеньев, конечно, чувствовал, какое горе занес в когда-то счастливый дом. Думал с тревогой:

«Подрастет Машенька, узнает правду о моих похождениях, и это совсем подкосит ее и без того хрупкое здоровье...» — казнил он себя упреками. И над ним подолгу облако горести не развеивалось.

Такое настроение мужа не оставалось незамеченным Елизаветой Алексеевной. Она с надеждой рассуждала: «Вижу, дорогой, твой тайный роман немного приносит тебе счастья. Когда никогда, а вернется к блуднице муж из дальних военных походов. Что станет с твоим влечением к чужим прелестям? Опадет оно, как листья с дерева, в которое молния неожиданно угодила. Вот так-то, мой ненаглядный Мишель. А может, все еще перемелется, глядишь, и его, и мои муки испарятся?..»

Машенька все чаще играла и напевала в одиночестве. Ее душа растворялась в чающих и медленных напевах, из которых выплескивалась тоска, перемешанная с печалью от раннего познания этого мира: до безумия красивого, пленительного и одновременно странного и пугающего. Потому она с нетерпением ждала, когда папенька вновь устроит маскарад, и девочка, к которой незаметно подкрадывался возраст невесты, будет, как и раньше, веселиться, примерять по несколько раз и надевать маскардное платье, бегать по красивейшему парку, вдыхать дурманящий аромат хвои на Новый год, слышать оживленный говор и смех гостей...

Наконец-то Михаил Васильевич объявил о предстоящем маскараде, предупредив жену:

— Ты, Лизонька, оденься в черный гипюр.

— Праздник все же,— попробовала возразить она,— а ты собираешься рядить меня в мрачные одежды монахини?

В ответ Арсеньев обронил, словно невзначай, как за игрой в пикет, странные слова:

— В завтрашнем маскараде будешь ты у меня, Лизонька, вдовушкой, а ты, Машенька, сироткой...

Быстро повернулся от жены и дочери, и заспешил по неотложным вроде делам.

Елизавета Алексеевна, пылающая огнем ревности, и бровью не повела в ответ на его слова, лишь чуть лоб сморщила, подчеркивая этим обиду на мужа. В ней заговорила гордость: «Пристало ли мне, урожденной Столыпиной, рядиться в маски? Да еще в траурно причудливые? И все в угоду капризам арсеньевским? Нет, нет и еще раз нет! Род Столыпиных знатней и известней вашего татарского будет...»

Михаил Васильевич на этот раз решил к обычной новогодней елке еще и спектакль поставить. Выбрал «Принца Гамлета» Шекспира. Себе в нем роль отвел — могильщика. Сам вместе с костюмером из крепостных костюм сшил.

— Максимка,— позвал он самого надежно и поверенного в его сердечных делах камердинера Медведева.

— Что прикажите-с, батюшка Михаил Васильевич?

— Запряги тройку лошадей, да каких поогненной, и слетай за госпожой Мансырьевой в Онучи.

— Слушаюсь, батюшка,— и слуга прогнулся в низком поклоне.

Но ослушался холоп своего господина, вернулся без дамы его сердца.

— Да как ты посмел, свиное рыло, не выполнить моего поручения? — затопал ногами Арсеньев в бешенстве.

— Виноват, батюшка, но к онучевской барыне муж изволил пожаловать...— камердинер боялся глаза от паркета оторвать.

— Муж, говоришь? — Взгляд хозяина имения уставился в одну расплывчатую точку.

— Так точно-с,— Медведев не посмел спину выпрямить.

— Пошел прочь! — с безразличием приказал барин, так не выплыв из задумчивости.

— Слушаю-с, батюшка,— слуга попятился к выходу, обрадовался, что сурового наказания не понес за невыполнение воли благодетеля.

А его уже поджидала Елизавета Алексеевна.

— Сказывай, плутовская твоя голова, куда тебя хозяин спозаранок на тройке отсылал?

— В Онучи, матушка,— вновь изогнулся почти до земли камердинер.

— И по какому же такому поручению? — Глаза ее от злости набухли.

— Велено было госпожу Мансырьеву доставить ко двору-с.

— Почему с пустой кибиткой возвратился?

— Не смогла та поехать в Тарханы, ее муж из дальнего похода возвратился.

Хозяйка имения сразу же с облегчением выдохнула, повеселела, с оттенком доброты повелела:

— Хорошо. Иди делом займись...

— Слушаюсь, матушка,— и Максим вновь, не разгибаясь, попятился.

...Елка и веселье были в полном разгаре. Михаил Васильевич вышел из кабинета в костюме и маске, и что у него было написано на лице, оставалось загадкой и для жены, и для дочери. Они ждали его в зале. Тяжело и молча, он сел в кресло. Немного помедлил и вполголоса произнес:

— Садитесь, мои дорогие, рядышком...— От него веяло какою-то таинственностью — странной и не ко времени.

Мать и дочь недоуменно посмотрели друг на друга, что, мол, сидеть в зале, если гости давно хозяина на маскараде ждут. Но беспрекословно и безропотно устроились рядом с Михаилом Васильевичем: с одной стороны Елизавета Алексеевна, с другой — Машенька. С нетерпением ожидали действий или слов Арсеньева.

— Я хочу повторить вам то, что сказал вчера...

— Я, папенька, не помню что...

— И у меня, Мишель, все выветрило,— у нее, оттого, что его пассия из соседнего имения будет в ласках купаться с мужем — рогоносцем, а не в Тарханах телеса блудницы нагло демонстрировать, радость в душе трепыхалась.

— Так вот. В сегодняшнем маскараде ты у меня, Лизонька, будешь вдовушкой, а ты, Машенька, сироткой...

Женщины не успели ничего в ответ произнести или что-то возразить. Маскарадный шум ворвался в просторный зал для балов. Многочисленные гости проявляли нетерпеливость:

— Михаил Васильевич, но где же вы запропалились?

— Елизавета Алексеевна, голубушка, нам без вас скучно...

— Машенька, кавалеры все глазки просмотрели, без вас менуэт не начинают.

В этом круговороте безудержного веселья и шума Арсеньева тотчас забыла об очередной странной выходке мужа. Лишь мельком подумала: «Вздор все это... Достаточно, дорогой, будет с тебя, что я в черный гипюр обрядилась. Правда, черный цвет меня бледнит и полнит, но ничего, стерплю...» И она с головой ушла в хозяйские заботы и думки о том, чтобы гости были довольны, и потом долго еще рассказывали тем, кто не попал на бал, какой великолепный рождественский маскарад устроили в Тарханах.

Михаил Васильевич, когда гости увлекли мать с дочерью в хоровод новогодней елки, постоял в глубокой задумчивости, направился из зала обратно в свой кабинет. Из нижнего ящика письменного стола достал какой-то пузырек. Обратив взгляд неизвестно куда, замер. Трижды перекрестился. Выдавил из себя слова, словно без остатка все внутренности выдохнул:

— Прости меня, Господи...

И выпил содержимое пузырька.

Прошли мгновения. Изо рта вырвалась обильная пена. Он медленно опустился в кресло. Несколько раз судороги передернули его тело. Михаил Васильевич вытянулся, затих, будто неожиданно крепко уснул.

Прошло немало времени, когда гости проявили нетерпение:

— Где Михаил Васильевич?

— Когда мы увидим «Принца Гамлета»?

Только тут забеспокоилась Елизавета Алексеевна, вспомнив загадочную тираду мужа, о каком-то ее «вдовстве» и «сиротстве» Машеньки.

Арсеньева нашли в его кабинете бездыханным. На нем был костюм могильщика, в котором он собирался выступать на сцене домашнего театра вместе с крепостными актерами. Он не успел или не захотел играть в этой жизни больше никакую роль. А ему было лишь сорок два года...

Вопли ужаса взорвали барский дом. Дамы, не стесняясь, рыдали, выбегали из кабинета Михаила Васильевича, роняя украшения и цветы с волос. И прежде, чем Елизавета Алексеевна поняла в каком-то бреде сознания, что роль, так безжалостно и безумно задуманная мужем, стала горестной явью,— ее дом опустел от гостей, опустел без него навсегда...

...Вот так, стоя перед дочерью и ожидая объяснения по поводу ухода за ней Лермонтова, пролистала она в памяти мгновения ее неудачной и трагической жизни с Михаилом Васильевичем. И больше всего хотела, чтобы Машенька не повторила ее судьбу.

Дочь, наконец-то набралась смелости и, заливаясь красной краской от стеснения, решила на ответ:

— Маменька, что ж дурного в нашем знакомстве с господином Лермонтовым? Он положительно интересный молодой человек. Занимается увлеченно переводами французских авторов.

— Но гол, как сокол...

— При чем тут это, маменька? — В ее голосе нескрываясь звучал укор.

— Все в нашей жизни, милая, при том... Он тебе неподходящая партия. А твою наивную головку вскружить может, тогда что? — не унималась, наученная горьким опытом мать.

— Я вас не понимаю, маменька...

У Елизаветы Алексеевны проявился крутой характер Столыпиных:

— Мне что-то нездоровится, проводи меня домой, дочка.

— Но бал только начинается, я обещала Юрию Петровичу танец...

— Никаких танцев, тем более с господином из Кропотово,— ее голос появился приказной тон.

— Воля ваша,— проявила Машенька видимую смиренность, наполненную еле скрываемой грустью.

— Вот и умница, что жалеешь мои нервы,— а у самой в душе тревожные мысли покоя не давали: «Не дай бог, чтобы у нее арсеньевская кровь верх над столыпинской взяла. Тогда, считай, пропало спокойствие в моей и без того истерзанной душе. Что за ее смиренностью прячется? Господи, помоги, чтобы в Машенькиной потаенной и тихой душе не вспыхнул опасный арсеньевский огонь...»

Маргарита Дзодзикова
(г. Владикавказ)

СУАДАГСКАЯ ЛЕГЕНДА

Дзодзикова Маргарита Эльбрусевна (Владикавказ, Северная Осетия — Алания) — старший научный сотрудник Северо-Осетинского Государственного заповедника, доктор биологических наук, действительный член МАНЭБ, отделения ФМБИ им. Лейбница ЕАЕН. Автор серии рассказов, посвященных быту и природе Северной Осетии, занимается живописью, картины представлены на ряде выставок.

Священная роца Хетага — место силы, оказывающее помощь влюбленным. Священная роца Хетага это не история, как мусульманин стал христианином или как христианин не захотел стать мусульманином, а история любви. Хетаг в переводе с кабардинского языка означает воин (военнослужащий) или так обращаются к доблестному мужчине в знак уважения. Имя Хетаг есть и очень почитается у осетин, у кабардинцев такого имени нет.

Простой парень, осетин, работал в охране кабардинского князя. У князя было несколько сыновей и только одна, обожаемая им, дочь. Молодой осетин в свободное от работы время любил играть на свирели, а девушка тайком приходила слушать его игру.

В один прекрасный день они встретились взглядами, а позже познакомились, и девушка тоже понравилась парню. Он все свое свободное время старался удивить ее своей виртуозной игрой. Они полюбили друг друга, но понимали, что семья девушки будет против брака княжны и простолюдина, да еще и другой веры. И однажды они решили бежать на Родину парня в Осетию и там связать свои сердца и судьбы узами брака.

Видимо не желая терять хорошего работника, который отличался статностью, трудолюбием и надежной исполнительностью, а также виртуозно владел оружием и умело управлялся с конем, князь назначил ему хорошую оплату, но постоянно не доплачивал, все время откладывая момент полного расчета. Однако за хорошую службу он подарил парню коня.

Однажды под вечер парень вывел своего коня, предварительно надев ему на копыта войлочные «сапожки», чтобы не было слышно стука копыт. Дождался свою возлюбленную, подхватил ее, усадил перед собой и они тихо выехали из селения. Уже за селом, он «разул» коня и пустил во весь опор, стремясь быстрее увести любимую домой. Но отсутствие девушки вскоре заметили, после некоторого времени поисков, отец все понял, и братья княжны бросились за беглецами в погоню.

Верный конь нес своего друга и его возлюбленную всю ночь, но «конь с двумя седоками устает вдвое быстрее,— рассказывал мой дед,— и вскоре беглецов стала настигать погоня, возглавляемая ее братьями». Парень в отчаянии нахлестывал своего коня, впереди виднелось уже его родное селение Суадаг. «Еще немного, уже близко!» — думал он. Но было ясно, что до селения он доскакать не успеет.

И тут в предрассветном небе, гулко, подобно затихающему грому, прозвучал низкий будто бы мужской голос,— «К лесуууу... («Хъадмага...»,— осет.). Услышав это, молодой осетин, недолго думая, свернул в сторону леса, отчаянно прищипывая своего верного скакуна и прижимая к себе любимую, но их уже почти настигли. Топот копыт... тяжелое дыхание лошадей и выкрики всадников сливались в угрожающем ритме...

Тогда тот же голос сверху вновь произнес «Лес к нему!» («Хъад йае размага...»,— осет.). Нέкто очень хотел защитить два любящих сердца и помочь им. И случилось чудо — огромный кусок леса с левого склона в глубине селения Суадаг единым массивом поднялся в воздух, переместился навстречу беглецам и опустился прямо перед ними. Всадник со своей возлюбленной во весь опор влетел в лес, он соскочил с коня, загородил свою любимую, выхватил кинжал и приготовился стоять до конца, защищая свою любовь. Но, удивительным образом, преследовавшие их всадники кружили вокруг леса, а проникнуть в него не могли, что-то их не пускало.

К утру обессиленные преследователи, обескураженные происходящим и потерявшие надежду въехать в рощу, чтобы отнять девушку и наказать «наглеца» начали понимать, что они не в силах выполнить свой долг, что уже светает, а они на чужой территории, повернули назад и ускакали домой ни с чем.

Не менее обескураженный происходящим парень, все еще не веря своему счастью, вложил кинжал в ножны, воздел руки к небу и вознес благодарственную молитву. Они переждали некоторое время в роще, а потом он усадил свою возлюбленную на коня, и они медленно, уже никого не опасаясь, продолжили свой путь.

Парень привел свою любимую домой, они поженились, имели много детей и жили долго и счастливо. Но, боясь мести, девушка взяла осетинское имя и по сей день никто не знает фамилию этого парня. Голос с неба слышали случайные свидетели — сельчане, ранний путник, охотник и дед, которому не давали спать боевые раны. От них и узнал народ Осетии об этом чуде.

«Разве он не настоящий мужчина?» — неудачливые преследователи так и сказали дома, что они не догнали этого парня, что он настоящий *хетаг* (мужчина, воин), что они видели, как сам Всевышний помог ему. Отцу такое объяснение не понравилось, и он приказал своим сыновьям любой ценой найти и наказать парня. Братья княжны и их друзья многие годы пытались найти беглецов. Они приезжали в Осе-

тию, рассказывали, что слышали о похищении кабардинской княжны, о том, что этот парень настоящий *хетаг*, о том, как у них на глазах Всевышний помог ему и для них будет большой честью «знакомство» с ним, искали они парня и девушку, через друзей, кунаков, торговых людей, но тщетно, ничто не выдавало их.

В Осетии существует обычай — «*Уайсадындзинад*» — когда молодая сноха, воспитанная в лучших традициях народной культуры, никогда не садится в присутствии старших и не подает голоса в знак уважения к новой семье. Это не всегда удобно и немного усложняет общение, поэтому, как правило, через некоторое время после свадьбы, специально для того, чтобы молодая заговорила, приносят в жертву барана, варят квас (*къуымæл*) или мягкое пиво (*æлутон*), пекут три традиционных пирога, возносят молитву и в присутствии старейшин фамилии или главы семьи, соседей и других свидетелей дают позволение невесте заговорить. Ей с молитвой передают бокал, а она должна передать его главе семьи, со словами: Айшай «*Айс æй*» (осет.) — «Возьми его», «Возьмите», при этом присутствующие впервые слышат ее голос. И с этого момента она может разговаривать со старшими родственниками.

Но, в прежние времена, молодая сноха, в знак уважения к ангелу-хранителю дома и к старшим этой семьи не должна была нарушать сложившуюся гармонию дома звучанием своего голоса и должна была молчать и изъясняться жестами. Мой отец рассказывал, что, как говорили старики, в одной Суадагской семье (может и Дзодзиковых) в стародавние времена была такая невестка, — ей несколько раз давали позволение, но она так и не заговорила. И только, когда сыновья ее уже выросли — она начала говорить, но с каким-то странным акцентом. «Конечно, столько лет молчала, что и родной язык забыла» — посмеивались в селе. Но кто знает?!

А роща с вечера до утра возникшая посреди поля, после услышанного из разных уст рассказа, о том, что кабардинцы все время ищут какого-то *хетага*, рассказывая о похищении княжны, вызывала трепет в душе, это место стали почитать, сначала, как Священную Рощу, возникшую по промыслу Божьему в помощь двум влюбленным, а позднее, как Священную Рощу Хетага, помогающую молодым мужчинам. Стали рассказывать будто голос с неба говорил, — «Хетаг, к лесуу...» («*Хетæг, хъæдмæææ...*», — осет.)... «Лес к Хетагуу...» («*Хъæд Хетæгмæææ...*» — осет.).

И молиться сюда приходили только молодые парни, ищущие свою любовь, готовящиеся к браку или молящиеся об удаче в жизненном пути, или в выборе профессии или перед началом серьезных дел или поездок. Женщины, девушки, семейные мужчины, а тем более старики в эту рощу не ходили. Только молодые парни. Тайно приходили матери помолиться и попросить удачи для своих детей, но внутрь Рощи не входили.

Готовили обычно три треугольных пирога. Чтобы молитвы были услышаны «освящаемое, должно быть еще горячим от огня и прикосновения рук» — «кувинæгтæ хъуамæ артæй æмæ къухты хъармæй хъарм уой». Пироги, принесенные в рощу, должны были быть, если не горячими, то теплыми, так как при их приготовлении добрые намерения пища как будто впитывает в себя, а в теплых пирогах, считается, эти намерения сохраняются. Сначала в рощу приносились только пироги без напитков. Позже стало разрешаться приносить молоко и мед, чтобы «словно медоносная пчела была бы плодovита жена...» Сюда также приходили, чтобы помолиться о хорошем урожае или излечении от болезней.

Немного позже к пирогам, молоку и меду стали прилагаться «три ребра» (баряньи ребра, отваренные и слегка поджаренные), причем, баран должен был быть зарезан именно в этот день с утра. Барана или овцу выбирали белого или золотистого цвета, возносили молитвы, под конец спрашивали у нее разрешения принести ее в жертву, в знак согласия, она должна была лизнуть соль, которую ей подносили в та-

релочке и после этого ее быстро забивали. А еще немного позже, молитву стали возносить домашним квасом — кумал — «кьюймамай» (осет.) или молоком — ахшырай — *ахсырай* (осет.).

Крепкие напитки не приносили и не потребляли, так как считалось, что они препятствуют удаче — «*арахъ — аелгыст у, цалхдур аевсеры*» (осет.) — арака (имеется в виду любой алкоголь) — это проклятие, камень под колесо (препятствие движению), «*арахъ — зондсафаг у, хадзархал у*», — арака убивает ум (буквально: способствует потере ума), разрушает дома*. Во время всех приготовлений, да и в течение всего этого дня нельзя было ссориться, злословить, говорить о грустном или болезнях, расстраиваться, сердиться, обижать и обижаться... никакого негатива. Только добромыслие, добрословие, доброделие!

Перед тем, как выйти из дома и направиться к Святилищу, брали монетку — «*мысайнаг*», любого достоинства, тщательно мыли с мылом, потом ополаскивали в молоке, троекратно по часовой стрелке проводили над головой новорожденного или того, о ком отдельно надо вознести молитву или называли имя человека, либо имена и фамилию молодой семьи. Затем монетку заворачивали в чистую белую вату или кусочек белой ткани и клали с краю между пирогами, которые приготовили нести в Рощу Хетага «*Хетаджы кьохмаг*». Монеток могло быть несколько — по количеству членов семьи или количеству семей и после вознесения молитвы их оставляли на камне под деревом в Роще Хетага.

Позднее для монеток сделали подобие небольших деревянных домиков, с открывающейся крышей и монетку бросали внутрь домика, потом появились металлические ящички с прорезью для монеток (ящички не запирались), а сейчас установлены запаянные трубы (ø 20 см), с прорезью для монеток сверху и закрытой на замок маленькой дверкой у основания. Один раз в год, через 7 или 14 дней после празднования Дня Хетага, *Дзуары Лаг* вместе с помощниками вынимают все накопившиеся монеты и приобретают на эти деньги быка и все необходимое для проведения всеобщего сельского молитвовозношения — *хъаукувд* (осет.). Монетки — это единственное, что можно оставлять в Священной Роще, даже травинки надо стряхнуть с одежды, когда выходишь с ее территории.

Рассказывают, несколько лет назад один ученый, житель города Ардон, специально вывез из Рощи с собой веточку как вызов тому, что он считал темными предрассудками. Молва утверждает, что не прошло и двух дней, как с ученым стало твориться что-то странное (нарушения со стороны нервной системы) и никакие меры не улучшали его состояния; он выздоровел лишь после того, как его родные посетили Рощу и попросили прощения у Покровителя Рощи за молитвенной трапезой (<http://slavik.babil.komputilo.org/xetag.html>).

В селении Суадаг был случай, когда парень вернулся со Святилища, дома развернули пироги, чтобы повторно помолиться уже дома и среди них оказался листик с дерева. Было ясно, что попал он туда до того, как пироги и *физонаг* (шашлык или «три ребра») были завернуты, то есть это был лист с дерева из Рощи Хетага. В семье вновь испекли три традиционных пирога, приготовили *физонаг*, по всем правилам взяли монетку «во прощение грехов» — «*хатыр гурæгкаг мысайнаг*» (осет.) и парень тут же не откладывая, вернулся к «Святому Кусту», вознес молитву, оставил там

* Вообще в те стародавние времена, даже в обыденной жизни, сказать осетину, «Ты пьян...» — было равносильно самому сильному оскорблению, как если бы кто-то сорвал с его головы папаху и бросил ее под ноги! И опозоренный, в этом случае, вынимал кинжал. А кинжал, как известно, вынимали в крайнем случае, и если он вынут, его можно вложить в ножны, только напоив кровью. Кровь смывалась только кровью, поэтому, во избежание кровной мести, осетины не пили, а лишь пригубляли, чтобы не терять лицо. Быть пьяным было глупо и недостойно мужчины!

случайно унесенный листик и вернулся домой, предварительно проверив, не попало ли вновь что-нибудь в блюдо с пирогами и мясом.

В Священной роще никогда не разводили огонь. «*Арт — белассафæг у*» (осет.) — Огонь губит дерево. После себя надо уносить все — еду, посуду, сосуды, упаковку. И жертвоприношений не делали в Роще Хетага, не проливали кровь. Чистота, тишина, смирение и молитва царили в ней.

На сельском сходе в Суадаге обычно выбирали Божьего Человека, Священнослужителя — *Дзуары лæг* (Человек Ангела, осет.), это, как правило, был мужчина средних лет, который должен был присматривать за порядком в Роще, он обучал молодых парней правильно возносить молитву в период празднования «*Хетæджы Бон*» — День Хетага, Сила Хетага. День Хетага, обычно приходится на первое или второе воскресенье июля.

Удивительно, но если смотреть от Священной Рощи на юг, в сторону горы *Кариухох* — «*Хъариухох*» (*хъар* — крик, *у* — один, *хох* — гора с осет.), то на склоне, в левой верхней части селения Суадаг, сплошь покрытом лесами, виднеется поляна, по форме своей напоминающая очертания Рощи Хетага, по преданию, именно из этого места она была вырезана и перемещена.

Священная Роща Хетага, ее называют еще «Святой куст» или «Круглая роща» находится на территории селения Суадаг в Алагирском Районе Северной Осетии. Во время Великой Отечественной войны сюда со всех концов Осетии приходили матери, жены, сестры и дочери, ушедших на фронт, молились о покровительстве, о том, чтобы Бог Богов защитил их мужчин: сыновей, мужей, отцов, братьев и возлюбленных.

Был даже случай, когда приехали в Суадаг две русские женщины в поисках Рощи Хетага, покровителя молодых мужчин, чтобы помолиться о своих сыновьях. Сыновья написали им с фронта об осетинах, которые молились Покровителю Хетага и шли в бой и их не брала пуля, они были, как заговоренные. Жители селения Суадаг объяснили женщинам и помогли правильно в соответствии с *Æгъдау** (*Æгъдау мæ гæсгæ* — осет.) вознести молитву. После войны они приезжали еще раз со своими вернувшимися с фронта сыновьями и также вознесли уже благодарственные молитвы.

Помню, после окончания 10 класса я под руководством моей бабушки Дзодзиковой-Черджиевой Нада вместе с ней 9 дней держала пост. Рано утром девятого дня мы искупались, оделись во все чистенькое и новое. Потом она испекла три треугольных пирога — треугольные обычно делают, чтобы снискать у Всевышнего (*Хуыцаума* — осет.) покровительства для детей (девять углов — девять месяцев), взяла кувшинчик кваса — (*къуымæлы дурын* — осет.) и молока (*æхсыры дурын*, — осет.), на пироги она положила три отваренных и поджаренных бараньих ребра (барана резали в этот же день утром, с точным соблюдением *Æгъдау*, с молитвой, завершаемой его согласием). Потом она взяла три монетки «*мысайнаг*» по 15 копеек, которые тщательно помыла с мылом и ополоснула в молоке. Над одной монетой она вознесла молитву о здоровье семьи «*бинонты æнæниздзинад*», вторую о жизненном счастье и успешности семьи «*бинонты цардамонд*», третью — трижды по кругу, по часовой стрелке, с молитвой провела над моей головой. После этого она завернула монетки в вату и поместила между пирогами с краю. Затем она завязала пироги и мясо (мясо прикрыла большим тщательно обмытым листом лопуха, сейчас лист заменяют целлофановой пленкой) в «*табæгъбæдтæн*». Это квадратная или круглая белоснежная большая матерчатая салфетка, в центр, которой осетины обычно помещают блюдо с тремя пирогами и тремя ребрами и затем поверх них связывают противоположные углы салфетки, прикрывая и защищая «*кувинаг*» (то, над чем надо помолиться, то, что надо освятить).

**Æгъдау* — Свод осетинских национальных нравственных законов и правил поведения, наследуемый и передаваемый устно, дошедший до нас от наших предков Ариев, Скифов, Сарматов, Алан.

После чего мы, выпив только по чашке чистой воды, отправились пешком, босиком (это важно!) к Священной роще Хетага — *Хетæджы Къохмæ*. Кроме того с утра бабуля повязала мне на голову длинную атласную ленту красного цвета, обвила вокруг косы и затянула мягким узлом.

Дойдя до рощи, мы омыли руки и стопы в ручье (неподалеку был родник), чтобы смыть все плохое «*фыдбылызтæ* — осет.», дождалась проходящего мужчину, бабуля объяснила ему, о чем «надо сказать», и он, войдя внутрь, вознес молитвы, в том числе, с просьбой оказать покровительство мне, вступающей во взрослую жизнь, делающей первые шаги на своем жизненном пути, выбирающей дорогу жизни. А потом, когда он вынес *кувинаг* (то, над чем помолились, то, что освящено молитвой,) Нада (так звали мою бабулю, Светлая ей память) молилась сама: «Ангел Покровитель Освященной круглой Рощи, Покровитель ищущей свое счастье молодежи, освящающий им жизнь, помоги моей внучке, стоящей в начале своего пути, дай удачу в выборе дороги и даруй ей счастья и исполнения мечты, о ты, помогающий молодежи в поисках счастья». Так молилась моя бабушка,— «*Рухс тымбыл хъæды Дзуар, амонд агураг фæсивæды Дзуар...*», при этом она сняла с меня атласную ленту и повязала ею ветку дерева, молилась шепотом и завязывала узлы, я насчитала девять узлов. До сих пор ее слова звучат в моей душе, вызывая священный трепет.

Потом мы тут же на окраине Рощи присели на траву под деревом и немного перекусили пирогами и мясом, выпили: она квасу, я молока. После этого мы с ней молча (она предупредила, что разговаривать нельзя: «думай...») — сказала она) со своими мыслями о будущем, о планах и мечтах, о помощи Высших Сил, медленно босиком обошли Священную рощу по внешнему периметру, не входя внутрь, по часовой стрелке и вернулись к роднику на ее западной окраине.

Там моя бабуля объяснила, показала, и мы медленно омыли стопы, «чтобы, каждый жизненный шаг с этого момента был достойным и успешным»; руки, «чтобы все, что делаешь, было щедрым, красивым, продуктивным, чтобы все получалось»; смочив ладони, трижды провели по лбу — от виска к виску «для чистых, благородных и высоких мыслей и планов»; прикоснулись влажной ладонью к области сердца, «чтобы душа была широкой и изобильной, а сердце любящим», влажными ладонями коснулись плеч, «чтобы были силы выполнить любую работу и легко выдержать любые трудности» и сделали несколько глотков и омыли глаза и губы этой родниковой водой, «чтобы видеть и замечать все, но уметь промолчать, когда надо, а в каждом сказанном слове чтобы была мудрость и вес».

После этого мы обулись и опять молча, пешком, наедине со своими мыслями, пошли домой. По дороге на улицах села, на приветствия бабуля кивала, но до дома не проронила ни слова: «*Дзуары фарн хæдзармæ хæсгæ у*» — «Святого места благодать надо нести домой», встречные сельчане видели у нее в руках сверток с пирогами и не заговаривали с нами, понимая, откуда мы идем. Дома она развернула «*табагъ-бадтæн*», достала «*кувинаг*», собрались все члены семьи, и мой дед Гаппо (Светлая ему память) еще раз, тем же квасом, вознес молитву о том, чтобы наши просьбы были услышаны и исполнены, наряду с лучшими молитвами, вознесенными в этот Святой день.

Такова легенда о Священной Роще Хетага, так она звучала из уст моего деда Дзодзикова Гаппо Даутовича и моего отца Дзодзикова Эльбруса Гаппоевича (Светлая ему память), которые каждый в свое время, в какой-то промежуток времени, как и многие представители других фамилий селения Суадаг, были *Хетæджы Дзуары* (Рощи Хетага) *лагтæ* (мужчина, Человек Бога, здесь Священнослужитель) — избираемые народом смотрители Рощи Хетага. Только самые достойные мужчины избирались и допускались в рощу для молитв.

Моя мама Пагаева Серафима Гагузовна, рассказывает что, если парень делал «угард» (две маленькие насечки на стволе дерева) в Роще Хетага, то это было равносильно самой сильной клятве в любви и верности, и парень и девушка непременно связывали свои жизненные пути. А если нарушали клятву, то нарушившего слово, так или иначе, постигала кара Божья. Причем кара эта была явной и скорой. «*Ергомдзуар*», — «Откровенный Ангел», «Открытый Ангел», «Справедливое Святилище», «Откровенное Святилище», «Справедливый Покровитель» — так говорили в народе.

Как утверждает молва, в 1993 году в Роще Хетага произошло нечто удивительное. В День Хетага, так же, как и большая часть населения Осетии, сюда приехало две семьи — это были брат и сестра, со своими женой, мужем и детьми. Приехали они на отдельных машинах. Младший сын брата, которому было около 5 лет, просился, чтобы его отпустили в гости в двоюродным братьям (к тете), после недолгих уговоров отец согласился отпустить его, и в последний момент мальчик побежал к другой машине. Обе семьи немного припозднились, в Роще уже темнело, но выполнив все, согласно *Агъдау*, благополучно добрались до своих домов. Утром отец мальчика позвонил своей сестре, чтобы узнать, как там его сын, и каков был ужас в обеих семьях, когда выяснилось, что мальчика нет с ними. Обзвонив общих знакомых, с которыми маловероятно, но все же мальчик мог уехать из рощи, они убедились, что никто его не забирал с собой, а если забрали, то позвонили бы. Не зная, что и думать отец мальчика и его родственники и друзья поехали в Рощу Хетага, и каково же было их удивление, когда в совершенно пустой роще, под деревом сидел его сын, спокойный, сухой (ночью был дождь) и ел конфеты. Он сказал, что все уехали, и он плакал, и никого не было, а потом пришел хороший дед и они вместе с дедом смотрели на дождь и дед рассказывал ему сказки, и они пили сладкое молоко и потом спали наверху на дереве, а сейчас молоко закончилось, и он пошел принести еще и сказал: «Сейчас твой папа приедет». Вот такая невероятная история!

Если у людей бывали какие-то спорные ситуации, то последним аргументом было — «Поклянись именем Хетага!», и если спорщик мешкал — все становилось ясно. Ложных клятв произносить не решался никто. И не дай Бог, кому-нибудь прийти сюда с плохими мыслями.

«Роща Хетага» знаменательна еще и тем, что в конце XIX века от нее произошла фамилия Хетагуровых. Костá Левáнович Дзидаханов (1859—1906) — выдающийся осетинский поэт, просветитель, художник-живописец и скульптор, основоположник осетинской литературы в начале своей литературной деятельности (с 1888 года в ставропольской газете «Северный Кавказ») подписывал свои произведения, как Хетаг, позднее, как Хетагур. Когда в издательстве газеты «Северный Кавказ» обсуждали вопрос об издании сборника сочинений талантливого осетинского поэта на русском языке, редакция решила (решение принималось в отсутствие автора), что фамилия его, скорее всего Хетагуров, и при этом, все, с кем он общался, знали, что его зовут Коста. Таким образом, первый сборник сочинений Коста Дзидаханова увидел свет в 1895 году, в Ставрополе, под именем Коста Хетагуров, а в 1899 году в том же издательстве и при тех же обстоятельствах (отсутствие автора), вышел поэтический сборник «Осетинская лира» (осет. «Ирон фандыр») и тоже под именем Коста Хетагуров. Фамилии Дзидахановых, Дзапаровых и Губаевых (фамилия матери Коста) — *æрвадæлтæ* (потомки одного предка, считаются братьями, родственниками) и знают об этом, некоторые представители этих семей вслед за Коста, также взяли себе фамилию «Хетагуров». Так в Осетии появилась фамилия Хетагуровых. Даже отец Великого Коста, устав отвечать на вопрос — «почему у вас с сыном разные фамилии?», на склоне лет поменял свою фамилию и носил двойную Дзидаханов-Хетагуров Леван Елизбарович.

Жители селения Суадаг долгое время оберегали свое Святилище, старались не впускать в него представителей других сел. Раньше место вознесения молитв находилось в северной части «Священного Куста» по центру, под деревом к которому вела тропинка лежал камень, на нем оставляли монетки, но со временем все большее количество людей хотело помолиться здесь, порядок уже был не тот и тогда жители Суадага перенесли место своего общения с *Хетæджы Къохы Дзуар* (осет.) — Ангелом Рощи Хетага на западный край Священной Рощи.

Кроме того, чтобы лишний раз не нарушать Великое спокойствие в Роще, не тревожить Дух Святилища, куда круглый год приезжают молодые мужчины перед принятием судьбоносных решений и началом важных дел, у дороги установили навес, под которым расположили треножник для вознесения молитв и «сосуд» для жертвоприношений (монеток). И теперь каждый проезжающий может остановиться здесь, вознести молитву, оставить монетку и ехать дальше.

Позднее в «Роще Хетага» образовались отдельные места для вознесения молитв, организованные представителями различных населенных пунктов: Алагирское, Кадгаронское, Ардонское, городское (Владикавказское)... Некоторые сместили и дни празднования, но разница составляла 7 дней. В наши дни Роща Хетага не имеет государственного статуса. То есть это не памятник природы или культуры — это общенациональная святыня. На территории Рощи построены кувандоны (кувандон — местовознесения молитвы). По праздникам туда разрешено заходить и женщинам. С 1994 года День Хетага в республике Северная Осетия—Алания отмечается, как общенародный праздник.

Вынесенный к дороге Кувандон (осет.) — место возношения молитв на трассе Алагир — Владикавказ. За ним кукурузное поле, а далее виднеются верхушки деревьев Рощи Хетага — Хетæджы Къох (осет.).

Со временем утерялась информация о том, что здесь не место алкогольным напиткам и огню. Тихие и краткие молитвовозношения превратились в бесконечные шумные застолья и народные гуляния. Сюда приходят уже все, без ограничения возраста, разгуливают по всей роще, принимают алкогольные напитки, жгут свечи на деревьях, кто-то (?) установил какие-то металлические кольцевые сооружения для свечей.

Суадагская легенда подарила Северной Осетии ряд важных вещей: 1) «Суадагскую легенду» — гимн ЛЮБВИ, и этот парень вез свою любимую домой в селение Суадаг; 2) Святое место — Место Силы — помогающее молодежи в делах любви, деторождения и поисках Своего Жизненного Пути; 3) Место, которое дисциплинирует и способствует чистоте помыслов народа; 4) У осетинского народа есть великий Коста, который взял себе имя Хетага, как литературный псевдоним, ставший позднее его фамилией; 5) Благодаря этой легенде и Великому Коста, в Осетии появилась новая фамилия — Хетагуровы; 6) Дала осетинскому народу такое очень почитаемое имя, как Хетаг (слово кабардинское, но у кабардинцев нет такого имени). Моего внука мы назвали Хетагом — Туриев Хетаг Артурович (*Arthur: art* — огонь, огненный, *hur* — солнце) — пусть ему во всем сказочным образом сопутствует удача!

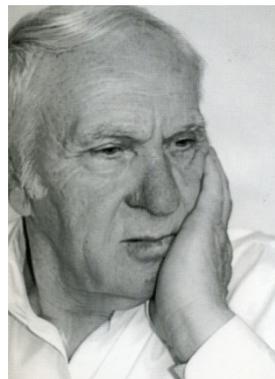
Великий Николай Рерих сказал: «Счастливы должны быть осетины, измеряя славные корни свои..» (Рерих Н. К., 1928). У культуры осетинского народа богатейшая история и глубочайшие корни. Давайте же будем помнить лучшее из наследия наших Предков и следовать всему тому, что делает нас выше, чище и лучше! Добромыслие, добрословие, доброделие!

Молодежь Осетии, ставьте нереально высокие, достойные цели, действуйте, а Высшие Силы помогут вам! Если ты считаешь себя Осетином, ты должен понимать, что будущее твоего народа зависит от ТЕБЯ, его судьба в ТВОИХ руках! И это понимание должно стоять за каждым твоим словом и за каждым твоим поступком, за делом, которому ты служишь. «Как когда-то Великий Бог выручил Хетага, пусть так же помогает Он и тебе!» — одно из наиболее часто звучащих в Осетии добрых пожеланий.

Виктор Пахомов
(г. Тула)

ПОЭТЫ

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», заслуженный деятель культуры РФ, академик Петровской академии наук и искусств, почетный гражданин города Тулы

Любовь к мундиру свята.
К чему здесь царский Двор?
Но этот лоб Сократа,
Но этот взгляд в упор?
Во всем на грани риска:
Ты смог, подставив грудь,
Поэзии российской
Достоинство вернуть!
Гордиться? Чем гордиться?
Нет! Это все — не то!
За Пушкина вступиться
Сумел тогда бы кто?
Из бабушкиных ручек
Взмыл удивлять века
Лейб-гвардии поручик
Тенгинского полка!
Немыслимая зрелость,
Бесстрашие ума.
Вмешалась — так хотелось —
Поэзия сама!
Глядишь ты неотрывно
Из время своего,
Где горе неизбежно:
Россия без него!
Того, с кем сердцем слился,
Открыто потому,
Того, кому молился,
Как Богу самому.
Идут, судеб на стыке,
В избытке новых сил,
И Александр Великий,

И Славный Михаил.
Спешат на зов прогресса
Как прежде предъявить,
Что никаким Дантесам
Их не остановить.
Пусть к бедам и победам
Не привыкать нам стать.
И тот, идущий следом,
Нас не заставит ждать!
Не торопись с ответом,
Идя на abordаж.
Похоже, был поэтом
И сам зиждитель наш!
Где огненная гласность
Свой расширяет круг,
Там пушкинская ясность,
Там лермонтовский дух!

